

# Колоски. Стебли

Алевтина Тулубьева

18+

Алевтина Тулубьева

**Колоски. Стебли**

«Автор»

2026

**Тулубьева А.**

Колоски. Стебли / А. Тулубьева — «Автор», 2026

«Стебли» — первая часть саги о семье Колосовых, жизнь которой проходит на рубеже XX и XXI веков. Читатель познакомится с Софией и Михаилом, едва ставшими молодоженами, и узнает об их детстве, юности и обо всем том, что привело их к организации побега девушки из-под родительского надзора.

© Тулубьева А., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Пролог                            | 5  |
| Глава 1                           | 12 |
| Глава 2                           | 20 |
| Глава 3                           | 30 |
| Глава 4                           | 38 |
| Глава 5                           | 51 |
| Глава 6                           | 56 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 65 |

# Алевтина Тулубьева

## Колоски. Стебли

### Пролог

Квартиру окатила мягкая трель дверного звонка, которого Соня ждала последние полтора часа, сидя в прихожей. От неожиданности она вздрогнула, но тут же вскочила, пусть ей было прекрасно известно, кого она увидит по ту сторону входной двери, по привычке посмотрела в глазок.

— Софийка, ты там? — Спросил одновременно с нетерпением и нежностью молодой человек, стоявший за дверью. Он взволнованно оглядывался, сжимая в руках две рукояти — деревянную и металлическую.

— Да, я готова, собралась и даже обулась, — сразу же ответила она, припав лицом к дверному замку. — Колосок, я так по тебе соскучилась, эта неделя была...

— Прошу тебя, давай не сейчас, осталось совсем немного. Отойди от двери.

София снова взглянула на искаженный линзой глазка силуэт собеседника. Тот слегка наклонился, и за дверью раскатился звон металла о напольную плитку. Руки поднялись к груди — они сжимали увесистый, подернутый ржавчиной и черными следами десятков рук топор.

Сердце девушки и так билось в горле весь сегодняшний день, то ускоряясь, то замедляясь, в зависимости от того, как глубоко она погружалась в фантазии о предстоящем пути. Это продолжалось с тех пор, как она, так и не уснув за всю ночь, встала с кровати и проверила припрятанную на верхней полке шкафа сумку с ее одеждой. Соня отступила на шаг; зная, что сейчас произойдет, она закрыла ладонями уши и не задумываясь зажмурила глаза — как будто и их следовало защищать.

— Давай! — Громко скомандовала девушка. Через несколько секунд на дверь обрушился удар. Несмотря на то, что звук был притуплен плотно прижатыми ладонями, он сотряс ее тело. Каждая его косточка звенела так же, как и зеркало в прихожей, и сервант в гостиной, и стекла на кухне.

— Ну как, у тебя получилось? — Спросила она, уже готовая броситься к двери.

— Пока не знаю, — ответил мужчина и яростно задергал ручку. Одновременно София услышала звук открывающейся двери в квартире напротив, а после срывающийся на крик паники женский старческий голос:

— Вы кто такой, что вы тут делаете?

Девушка тут же среагировала. Она предполагала, что им удастся уйти незамеченными, и ей пришлось на ходу подстраиваться под новые обстоятельства. Снова прижавшись лицом к дверной щели, она, продолжая содрогаться, как могла громко ответила:

— Тетя Лиза, это Соня говорит. У меня... — На долю секунды она задумалась, убрав прядь волос с липкого лба. — Ключи потерялись, еще вчера. Все ушли, понимаете, а сегодня будет важный экзамен, там такой строгий...

— Ты хочешь сказать, — с недоверием спросила соседка. — Что к тебе слесарь приехал с этим... орудием?

София окончательно растерялась.

— Я не знаю, я позвонила, и вот, — девушка нервно кусала губы. Надежда на то, что происходящее сойдет ей с рук, таяла с каждой секундой.

— Что-то такое тут...

Дверь напротив гроыхнула, оборвав на середине фразу тети Лизы, замок провернулся на два оборота.

— Миша, она матери звонить пошла! — Окончательно запаниковав, закричала Соня.

Все это время мужчина стоял, опустив взгляд вниз, с топором в руках, прикрывая своим телом покореженную ударом топора часть двери. Пока Соня разбиралась с так некстати оказавшейся дома старухой, он оценивал нанесенный ущерб. Дверь квартиры, будучи обычной и даже неказистой на первый взгляд, оказалась добротной: за коричневым дерматином, которым она была обшита, скрывался толстый лист металла. Он этого не предусмотрел, предполагая, что почти все подобные двери, как и та, что была в его собственном доме, изготовлены из дерева, но сейчас уже нечего было и думать об отступлении или плане «Б».

— Я сейчас еще раз попробую, уходи!

Он размахнулся и вновь ударил.

София едва успела отскочить — новый удар сотряс стены квартиры. На этот раз глаза и уши ее были открыты. От оглушительного звука она на долю секунды утратила чувство равновесия. Ноги подкосились, ей пришлось схватиться за стену.

Вслед за ударом раздался звон, напоминающий рассыпавшиеся на пол ложки или монеты — Соня поняла, что это разлетелась на детали дверная ручка. Быстро выдернув вторую ее половину со своей, внутренней стороны двери, она аккуратно положила детали на полку. Рассудив, что помочь Мише она все равно не сможет, девушка забежала в комнату — так получится хотя бы сберечь уши. София упала на гладко застеленную по привычке кровать прямо в обуви и с сумочкой через плечо.

Осматривая уже, наверное, в пятисотый раз за последнюю неделю свою комнату, которая всего лишь четыре года назад перестала быть детской, она мысленно касалась каждой любимой вещи, с которой решила расстаться. Пару дней назад, когда Соня только начала собирать все, что ей может пригодиться в первую очередь, ей пришлось крепко задуматься о том, что взять с собой — она не знала, когда вернется в эту комнату и что, если не вернется вообще. Перебирая памятные предметы и одежду, она решила взять с собой только старую кассету с музыкой одной из любимых ее групп, старый кофейных оттенков свитер в цветок, который она давно не носила, но хранила со времен школы, и три фотографии. На одной из них, самой новой, была запечатлена она сама и ее родители — фото она сделала в этот Новый год. Вторая, напоминавшая ей о беззаботном детстве, хранила изображение ее с ней самой и ее подругой Никой, с которой они не виделись уже полгода. А на третьей она запечатлела Мишу — это фото совсем недавно помогло ей поступить на ту кафедру, где она по сей день училась, если это до сих пор можно было считать учебой.

София решила для себя, что в ее новой жизни не будет места другим кассетам и дискам, хранившим сотни снимков фотоальбомам, групповым фото из детского сада или школы, которые сейчас обильно украшали полки с книгами и безделушками. И эти книги, и разнообразные фарфоровые фигурки, и сувениры из многочисленных поездок, как и большую часть дорогих и необычных элементов гардероба, которые каким-то чудом умудрялся достать для нее ее отец, уместить не удалось несмотря на то, какую любовь питала к ним Соня. Вместо всего этого она положила в сумку поверх вещей свою новую фотокамеру — тоже подарок родителей, хотя купил ее, очевидно, зарубежом, тоже отец — решив, что она еще успеет наделать столько фото, что придется выделять под альбомы целый стеллаж в ее новом доме.

От мысли об отце, самом родном на свете человеке, у Софии защемило сердце. Как бы не было ей плохо последние месяцы, она понимала, что ее папа не заслужил того, на что решилась девушка. Она прогнала эту мысль, понимая, что уже не может рассуждать о том, стоит ли ей принять предложение человека, который вот-вот станет новым спутником ее жизни. Все это пронеслось в Сониной голове за секунды. Глубоко вздохнув, она накрыла голову подушкой, чтобы заглушить грохот внутри и снаружи.

Михаил в это время нанес новый удар топором по дверному полотну — отбив обухом ручку, он метил в узкий промежуток между зазиявшей ровными краями отверстием, остав-

шимся от ручки и косяком, в то место, где должен был находиться механизм запертого замка. Дыра там стала немного больше, но этого было явно недостаточно для того, чтобы высвободить девушку из квартиры. Отерев рукавом рубашки мокрый от пота лоб, тяжело дыша, мужчина подумал: «Вот ведь дурак. Наряжался утром, и все для чего? Хоть галстук не догадался повязать».

Еще после трех ударов по двери из его головы исчезли все мысли, кроме одной — спасти из неволи, увезти любимую подальше отсюда следовало любой ценой.

Лежа в кровати, Соня продолжала дергаться от каждого удара раздумывала над тем, что им еще повезло. Да, соседка Елизавета Николаевна, которая вообще-то была приветливой вполне мирной пенсионеркой, застала их врасплох, время у них еще есть. Больше ни один жилец дома не вышел на шум, который они подняли — к недавно пробившему полуденному часу большинство из них были на работе, или в школе, или... Да хоть где! Главное, что кто-то из родителей вряд ли приедет раньше, чем через час.

Удары, которым София уже потеряла счет, наконец, прервались. Она снова прибежала к двери и толкнула ее — та по-прежнему не поддавалась.

— Миша, что такое? Почему она не открывается? — Девушка знала, что паниковать не следует, но голос снова задрожал, когда она задумалась над тем, что будет, если они не успеют уехать. Мать наверняка догадается вызвать полицию, после вызвонит отца, который наверняка до сих пор ни сном, ни духом. Оба они с разных концов города поедут к дому, чтобы остановить побег — такая перспектива в глазах Сони становилась все менее иллюзорной.

— погоди еще немного, — ответил ей окончательно вымокший от усилий Михаил. — Тут еще надо поработать, я сейчас...

Не закончив объяснение, он бросил на пол топор и подобрал лом. Подсунув плоский край инструмента под дверной косяк, он приложил несколько чрезмерное усилие — эта часть двери была скорее декоративной, потому отогнулась даже сильнее, чем он рассчитывал, приоткрыв еще одну часть механизма дверного замка. Михаил продолжал орудовать ломом, пока, наконец, не поддел и не разломал окончательно эту часть двери.

София снова толкнула дверь, та открылась, но всего на пару сантиметров и, щелкнув, остановилась. Девушка поняла, что не откинула цепочку, но почти тут же исправила свою оплошность, нервно ругнувшись про себя. Наконец, она выбралась в подъезд и бросилась на шею к Михаилу. Все еще сжимая лом одной рукой, мужчина обнял ее в ответ, начал целовать в губы, щеки, нос и глаза — во все, что ему попадалось. У обоих было ощущение, что они не виделись целый год, а не всего девять дней, но на контрасте с их ежедневными встречами последние несколько месяцев, такой промежуток был почти пыткой.

— Софа, нам пора, — прошептал Михаил, уткнувшись носом в волосы девушки. — Мы потеряли много времени, я не знал, я...

Соня, наконец, отпустила его шею и коснулась холодными пальцами кисти возлюбленного, по-прежнему сжимающую лом.

— Все потом, бежим!..

Не успела она договорить, как замок соседской двери снова звякнул. Наружу высунулось изборозженное морщинами и обрамленное пышными седыми прядями волос, собранными в крупные завитки по моде сороковых годов, лицо Елизаветы Николаевны.

— Тетечка Лизочка, — воскликнула Соня, умоляюще глядя в глаза соседки. — Я не могу объяснить, но...

Лицо пожилой женщины обратилось в маску ярости.

— Бандиты!.. Я не знаю, что тут происходит, но я уже вызвала полицию, и пожарных, и... А твоя мать — она тоже уже знает, она вам устроит! Я все рассказала, я никуда вас не пушу!

В безрассудном порыве соседка Лиза открыла дверь, выскочила из квартиры и в один шаг добралась до лестницы. Раскинув руки от стены к перилам, она всем своим видом показала, что

ее совсем не пугает незнакомый мужчина, только что распоровший, как консервным ножом, железную дверь. Она выглядела готовой на все, чтобы задержать беглецов.

Не понимая, откуда вдруг в миниатюрной, сутуловатой женщине, которая, вполне возможно, застала еще императора, София забежала домой за сумкой с вещами и сдернула с вешалки легкую куртку. Она подбирала слова для того, чтобы убедить соседку отпустить их, но та в это время истошно завизжала. Девушка тревожно выглянула в подъезд и увидела, как Михаил, взяв ее в охапку, прижав руки к телу и взвалив на плечо, как связку прутьев, в секунду переместил старушку внутрь ее квартиры.

Пускай тетя Лиза имела боевой настрой, совладать с силой молодого мускулистого мужчины она совершенно не могла. Михаил аккуратно поставил ее на пороге квартиры, напоследок пригрозив:

— Бабуля, не вздумайте сейчас пытаться остановить нас. Если вы сунете руки вперед, то останетесь без пальцев, я вам обещаю. Понятно?!

Окончательно ошарашенная тетя Лиза молча кивнула. Михаил почувствовал это движение, аккуратно отпустил женщину и сделал шаг назад. Напоследок он, насколько мог доброжелательно взглянув в испуганные подернутые старческой белизной глаза, так резко и громко хлопнул дверью, что снова зазвенели стекла, а после подпер ее для надежности собственной спиной. Все это время Соня, держа сумку, стояла со слегка приоткрытым ртом. Михаил пытался отдышаться и обратился к ней, еще сильнее смягчив интонацию:

— Возьми топор и лом. На «раз-два-три» беги вниз, я буду сразу за тобой. Готова?

Девушка кивнула и стала ждать команды. Мужчина начал отсчет, уже через секунду оба были на лестнице. Они не знали, чего можно еще ожидать в сложившихся обстоятельствах, поэтому побежали вниз, не обратив внимание на то, что соседка, кажется, и не думала больше покидать свою квартиру. София на ходу передала Михаилу сумку. Вскоре оба, окончательно запыхавшиеся, выскочили на улицу.

Стоял солнечный день, удивительно жаркий для второй половины апреля. Деревья уже обростали молодой листвой, в полузатоптанной молодой траве, плешиво покрывавшей внутренний двор, кое-где виднелись еще не распустившиеся одуванчики. Ни машин, ни людей слышно не было, зато воздух наполняло чириканье многочисленных птиц.

После полутора недель, которые София провела взаперти в душной пыльной квартире из-за того, что мать уносила с собой на работу все ключи и запирала дверь снаружи, она не смогла не остановиться на несколько секунд, чтобы насладиться наконец обретенной свободой — тем более, что после беготни с третьего этажа ей требовалось отдышаться. Спустившись по низкой лестнице, ведущей в подъезд, она вдохнула запах разгулявшейся вокруг весны — свежий настолько, насколько он мог быть таковым в центре города. Теплый воздух щекотал ее лицо и влажные плечи, шевелил подол ее светло-сиреневого в крупный цветок сарафана, надетого на белую футболку.

— Милая, я все понимаю, но надо ехать, — Михаил мягко опустил свободную руку ей на плечо. Он подтолкнул ее в сторону той части двора, где он оставил машину. Соня кивнула и уверенно зашагала в указанном направлении — небесно-голубой кузов Мишиной «копейки» виднелся за кустами, отражая во все стороны солнечные блики. Подойдя к двери машины и коснувшись ее хромированной ручки, девушка обернулась, чтобы взглянуть в окна родного дома. Она не хотела думать, что видит его в последний раз, прощаться с ним, как это было принято у героев ее любимых книг и фильмов. Напротив, она была полна оптимизма — да, сейчас все идет шиворот-навыворот, но обязательно наладится. Ее родители не могут так просто взять и...

Внезапное сомнение загорелось где-то в глубине Сониной души. Не ошибка ли это? К чему может привести все то, что они сейчас делают? Каково ей будет там, в новом доме, в другой, уже ее собственной, семье? Может быть, еще есть шанс... Нет, именно сейчас об этом

уже не может идти и речи. Даже если она отступит прямо сейчас, вернется, дождется родителей, после — раскается, жизнь ее никогда не станет прежней. Времени на сомнения или сожаления у нее совсем не осталось. Отложив эту мысль в самый долгий ящик, который нашелся в ее разуме, она открыла машину и, кинув инструменты через спинку кресла на пол, залезла на нагретое солнцем коричневое сиденье.

София тут же скинула любимые туфли, которые за деятельное жаркое утро стали ей жать, и, приспустившись в кресле, закинула босые ноги на приборную панель. Миша в это время убрал сумку в багажник, сел за руль и запустил двигатель. Хорошо отлаженный, пусть и отметивший недавно свое двадцатилетие автомобиль мягко тронулся. Водитель с пассажиркой прикрутили ручки стеклоподъемников — за время стоянки салон здорово нагрелся — струйки прохладного воздуха начали перемешиваться с густым застоявшимся запахом елочки, висящей на зеркале заднего вида. Они оба продолжали тяжело дышать, но осознание того, что все самое неприятное позади, уже пришло. Только теперь получилось отвлечься и обратить внимание на собственные потребности — Соня поняла, что ничего не ела со вчерашнего обеда.

— Может быть, заедем за чем-нибудь вкусным? — предложила она, имея в виду недавно полюбившийся ей ресторан быстрого питания. От мысли о ванильном молочном коктейле, который там подавали, она даже физически ощутила его запах.

— Но нам совсем не по пути туда, надо будет сделать большой крюк и вообще...

— Ну пожалуйста, Колос, — протянула она голосом, услышав который Миша не мог не поддаться уговорам. — Мы сто лет там не были... Вообще, только подумай — может быть, я в последний раз там побываю, ведь у вас там даже обычных кафе нет?

— Что не были — согласен. А вот про последний раз ты, безусловно, перегнула. Да, мы едем далеко, но тебя же там никто не станет к батарее привязывать. Сможешь приезжать, когда угодно, и даже больше — ты, кажется, все равно время от времени должна будешь делать это, когда учебный год начнется?

Он бросил взгляд на датчик уровня топлива. «Три четверти бака — запас есть, но хватит ли этого, если мы сделаем еще километров двадцать? А сколько я денег-то взял? Даже не глянул, когда собирался, все же в пять пришлось подняться, когда даже мама спала... А что если мы все же поедem, но выедем на шоссе с другой стороны? Тогда ведь крюка почти не будет. Да и сам я утром едва успел закусить парой пряников». Он обдумывал все это, пристально следя за дорогой. Он чувствовал на себе выжидающий взгляд Софии.

— Ладно, уговорила.

Девушка издала восторженный возглас, широко улыбнулась. Она чуть не бросилась к нему на шею, но вовремя остановилась. Взамен этого, она громко чмокнула два своих пальца и приложила их к краю губ мужчины — это была их интерпретация воздушного поцелуя.

— Но имей в виду, — продолжил он. — Что вечером, когда мы приедем, от ужина ты не отвертишься. Да еще какого — что-что, а праздники мама умеет отмечать с размахом.

— Представляю. Помню, как ты рассказывал про ваш Новый год. Жду не дождусь, чтобы познакомиться с ней. А как я хочу увидеть дом!..

София имела только общее представление о Мишиных родственниках — несмотря на то, что говорил он всегда много, его рассказы не так уж часто касались его семьи. Переведя взгляд в окно, на плывущие мимо многоэтажки, деревья, многочисленные рекламные щиты, она задумалась над тем, что ей вообще известно о месте, в котором она будет жить, возможно, еще пару лет — до тех пор, пока она не доучится, а Миша не найдет приличную работу.

Его мать виделась ей высокой, плотной женщиной, предпочитающей носить яркие платья в пол, повязывать голову белой косынкой, подпоясываться накрахмаленным передником или хотя бы обычным фартуком. Его отец... наверное, такой же, как все отцы вокруг (разумеется, не считая ее собственного) — суровый, строгий, рано постаревший. Образ дополняли фетро-

вая кепка, неопределенного цвета свитер, которому больше лет, чем ей самой, и резиновые сапоги до колена.

Больше всего Соня знала о Мишином старшем брате — Петре. У него уже была семья: жена и сын-дошкольник. Кажется, он открыл ларек в деревне, еще до того, как женился, что помогло ему как-то накопить на постройку целого дома, где он теперь жил. София два этих факта сопоставляла с трудом: что же там за ларек, что он столько денег скопил? Кажется, Миша рассказывал ей что-то о том, как его брат таксовал — это было еще до ларька, но на эти деньги тем более нельзя было так жить.

«Ладно, хватит. Еще немного, и я всех их увижу, все-все узнаю», — с этой мыслью Соня прикрутила радио, выбрав волну с иностранной рок-музыкой. Заиграла одна из песен, которую они оба хорошо знали. От радости от встречи после, казалось, бесконечной разлуки, от заигравшей знакомой мелодии, от солнечного света, который бил в стекла машины, окутывая их тела и разум теплом, они начали пританцовывать, двигая плечами и прихлопывая ладонями по рулю и коленям, а после, прибавив громкость, подпевать немного невпопад. Машина мчалась вперед по широкому шоссе. Еще две остановки — неожиданно возникший ресторан, после уже месяц как запланированный ЗАГС — и они прямой дорогой направятся в их новую жизнь.

— Знаешь, я сегодня уснуть не могла. Все представляла, как это будет. Ты ведь не забыл позвонить им, чтобы уточнить про заявление?

Михаил на долю секунды перевел взгляд с дороги на лицо невесты. Она в это время смотрела в окно, продолжая отбивать ритм игравшей песни. Убедившись, что она не смотрит на него, он ответил:

— Да, как только смог добраться до телефона — я же выехал еще до зари, — слукавил он сразу дважды. Оставалось только надеяться, что их запись действительно не была перенесена на другой день или по какой-то причине, о которой их не предупредили, вовсе отменена.

Спустя полчаса, которые пара провела в коротких диалогах ни о чем, нужные только по той причине, что оба хотели скоротать время ожидания, они свернули на парковку ресторана. Михаил смог, наконец, заглянуть в кошелек. Припомнив позиции меню понял, что денег ему хватит ровно впритык на самые базовые блюда.

— Ну что, сегодня гуляем? — Еще чуть-чуть, и Соня бы даже не побежала, а полетела к стеклянной двери.

— Послушай, мы же торопимся, у нас запись...

— Ой, да ладно тебе, мы же можем в дорогу что-то взять. Растянем удовольствие и потом голодными не будем.

— Да ты как приедешь, уже никогда голодной не будешь — это я тебе обещаю. Откормим тебя, а потом, когда ты станешь, как бочка, мы саму тебя сготовим...

— Давай без твоих шуточек сейчас, — шутливо отмахнулась от жениха Соня и бодро направилась ко входу. — А то я в самом деле сейчас кого-то съем. Я заплачу!

Михаил ухмыльнулся про себя. Он знал, что София позиционировала себя как независимую, самостоятельную девушку и считал, что ловко играет на этом ее чувстве. Мог поддеть тут, зацепить там, чтобы и Соню порадовать, и остаться при своем. В этот раз все прошло как всегда удачно.

Плотно пообедав и взяв с собой несколько закусок, пара вернулась в машину, и они выехали на шоссе. Согласно их плану, который они разрабатывали всю неделю — для этого Соня запиралась в комнате и всегда набирала номер Миши первой, чтобы звонок не разбудил родителей — свадьба их пройдет уже на месте. Не в деревне, в которой нет не то что возможности пожениться, а даже больницы, но в городке в двадцати километрах от нее. Как только они распишутся, так сразу отправятся домой.

Сев в машину, София продолжила жевать остатки картофеля фри. Она снова мысленно обратилась к дому. Не новому, незнакомому, пока все еще далекому, а ко все еще родному,

теплому, пусть и порядком опостылевшему за последнее время. Как бы она не отталкивала эти мысли все сегодняшнее утро, они накатывали на нее волнами, грозясь рано или поздно окончательно утопить ее. Неожиданно глаза девушки наполнились слезами, а в верхней части груди образовался твердый ком. Она уткнулась в окно, чтобы Михаил не заметил ее тоски, не начал задавать вопросы, которые она не была готова сейчас обсуждать. Слегка запрокинув голову, чтобы ни одна слезинка случайно не капнула и не испортила уставший за утро легкий макияж, она разглядывала пушистые далекие облака, накручивала на пальцы прядь волос. Ее дыхание учащалось и становилось громче, но звук мотора помогал ей замаскировать печаль. Соне удалось сдержать слезы, но воспоминания все же окутали ее с головой.

## Глава 1

«Папа приехал», — первым делом подумала девочка, открыв глаза. Она тут же поднялась на локтях и вслушалась в звуки возни в прихожей: щелкнул выключатель света, на пол опустились колесики мягкой дорожной сумки. В обычных обстоятельствах Соня не позволила бы себе выйти из комнаты не расчесанной и в пижаме, сегодня можно было пожертвовать этим ради долгожданной встречи.

Выбравшись из высокой кровати, София на цыпочках побежала в коридор, стараясь как можно быстрее и аккуратнее перебирать ногами, чтобы поменьше касаться холодного пола. При виде высокого, одетого в черное шерстяное пальто и шляпу мужчины, почти по брови замотанного в толстый шарф, она, забыв о всяческих неудобствах, бросилась к нему в объятия. Уткнувшись ему в грудь, она в ту же секунду отскочила:

— Ой, какой ты холодный и колючий! — Только сейчас девочка заметила снег, уложенный в складках шляпы и шарфа, покрывавший плечи и ботинки отца. Все его пальто блестело из-за мельчайших капель, оставшимися от уже растаявших снежинок.

— Ты бы для начала хоть поздоровалась, — раздался из-за его спины голос матери. Она ходила встречать мужа к станции метро. Времени на улице она провела совсем немного, но ее платок и шуба были почти такими же запорошенными и мокрыми. В ее голосе не было упрека, но учительская манера поправлять всех вокруг сама по себе слегка раздражала. Соня почти не обратила на это внимания.

— Привет, папуль! Как твои дела? Чем ты занимался там, в Болгарии? А что ты мне привез?

— Здравствуй, малышка. У меня все хорошо, но я страшно замерз — пока был на юге, уже успел отвыкнуть. Я все расскажу и покажу тебе, как только ты дашь мне раздеться, и мы сядем завтракать, — отец ласково потрепал ее за щеку одетой в кожаную перчатку пальцами.

— Да, возвращайся пока в комнату и готовься к завтраку, — дополнила мама указания. За это время она уже успела скинуть верхнюю одежду и разувалась. — И умыться не забудь.

Только сейчас Соня поняла, что вокруг все пахнет сладким тестом, ванилью и мандаринами — утро было раннее, а мама уже успела приготовить запеканку. Не сказав больше ни слова, девочка зашла в ванную, где наспех умылась теплой водой, и убежала в комнату. Она скинула ночную сорочку и выбрала в стопке домашней одежды фланелевое платье, которое совсем недавно перешло в разряд домашних из-за того, что стало узким в плечах.

Присев к своему туалетному столику — личному и самому настоящему, совсем как у взрослых, — София всмотрелась в отражение. Последнее время она стала замечать перемены в чертах своего лица: ее нос стал более тонким и вытянутым, а скулы и линия шеи теперь обозначались четче, губы тоже утрачивали детскую припухлость. Неизменным оставались ее глаза — круглые, глубокого синего цвета, почти точно такие же, были у ее матери. А еще никогда и никуда не девались рассыпанные по щекам веснушки — девочке они казались ее маленькой изюминкой и напоминали об отце, потому что достались ей как раз от него.

Когда она была младше, то многие друзья родителей и родственники, время от времени приезжавшие на большие праздники, отмечали, как она была похожа на отца — всем, кроме цвета глаз, потому что у того они были зелеными с золотым отливом, и медных, когда-то ярких, а но со временем поблекших до бурого с проседью, кудрей, которые он из удобства коротко стриг.

Сейчас же Соня, медленно крутя головой в разные стороны и мягко поглаживая кончиками пальцев те части лица, на которых останавливался ее взгляд, поняла, что стала похожа именно на мать — фигурой, формирующимся станом, овалом лица и всем-всем, кроме одного... Этими ужасными ушами. Для того, чтобы хорошо их видеть, ей не нужно было даже

поворачивать голову, ведь они и так торчали, делая лицо визуально шире, чем оно было на самом деле.

София еще ходила в детский сад, когда впервые ощутила стыд за эту свою часть тела, и даже больше — возненавидела ее. На одной из ежедневных прогулок она случайно услышала, как шедшие по тропинке за оградой садика мальчики постарше, уже школьники, хихикали и перешептывались, видимо, думая, что их никто не слышит: «А вот эта — только посмотри — ну чисто обезьяна». Не замечая взбудораженного, пристального Сониного взгляда, они указывали на нее пальцами, подавляя смех. Стерпеть этого девочка не могла. Недолго думая, она не то с криком, не то с рыком резко кинулась вперед и застучала детскими кулачками о металлическую сетку изгороди. Для того, чтобы добраться до обидчиков, Соня уже поставила носок сапога на одну из ячеек нижнего ряда и ухватилась руками повыше и покрепче, когда сквозь разлившийся уже в полную силу смех мальчишек услышала: «Ого, да точно, мы прямо как в зоопарке! У-у, а-а, обезьянка! Вылезай, поиграем!»

Только теперь девочка поняла, что, пытаясь защититься, сделала только хуже, что повелась на злую и, возможно, специально спланированную шутку. Снова мельком глянув на лица обидчиков, давящихся от смеха, она развернулась и убежала к остальным детям. Еще минуту назад Соня хотела поиграть с кем-то из них, или даже сразу со всеми, но теперь она не хотела видеть ни детей, ни воспитателей, ни прохожих. Она спряталась в беседке, и как только села на скамейку в углу, в голос расплакалась, почти сразу обратив на себя внимание других детей. Они забеспокоились, и сгрудившись вокруг нее, пытались выспрашивать, что случилось. Соня бы, может, и ответила что-нибудь, но каждый раз, когда она пыталась выдать из себя хоть слово, ее горло перехватывали новые рыдания. Вскоре к ней подоспели и воспитатели, которые тоже не смогли добиться от обычно спокойной и приветливой подопечной хоть какого-нибудь объяснения такого странного и даже пугающего поведения. Не предпринимая новых попыток разобраться, они увели ее одну с прогулки и позвонили ей домой.

По счастливому стечению обстоятельств, Сонин отец в это время был дома — занимаясь в тот период преимущественно сочинительством, он почти никуда не выходил и запрещал всем вокруг себя беспокоить. Но услышав о причине звонка, он в пять минут добрался до здания детского сада и забрал дочь домой. Она успокоилась только когда оказалась в кровати после большой кружки сладкого чая, которую папа сделал для нее. Поглаживая девочку по голове, он, наконец, услышал сбивчивый рассказ о том, что ее так расстроило. В ответ он ненадолго нахмурился, но быстро нашелся с ответом:

— Софийка, малышка, посмотри на меня, — слегка приблизившись к ее лицу, он коснулся руками своих ушей, оттопырив их от головы. Крутя головой и строя рожицы, он дождался, пока дочь если не улыбнется, то сфокусируется на его лице. Она и правда начала увлеченно следить за его движениями, и в эту же секунду он остановил гримасу и отпустил свои уши. Вопреки ожиданиям девочки, раковины, которые должны были плотно прижаться к голове, как у всех людей, остались ровно в том же положении, в котором он их держал — не сдвинулись ни на миллиметр, остались торчать точно так же...

— Как у меня... — прошептала она не то с удивлением, не то с волнением в голосе. И как же она раньше не замечала этого?

— Все правильно. И знаешь, что? Каждый, кто видит твои прекрасные маленькие ушки сразу понимает, чья ты дочка. Я хочу, чтобы ты хорошенько это усвоила, и каждый раз, глядя в зеркало, думала о том, как мы с тобой похожи.

София действительно прекрасно помнила этот случай. Ни один человек никогда в жизни не сказал больше ни слова о ее ушах, да и сама она старалась не обращать на них внимание, но в глубине души их форма ее все же беспокоила. Сделать что-то с ними она не могла, а потому, вернувшись в сегодняшний день, протерла глаза, повела плечами и возобновила утренний туалет.

Она расплела колоски, специально сделанные на ночь, и расчесала ставшие волнистыми волосы цвета молочной карамели, которые теперь блестящими локонами спускались до лопаток. Подцепив передние пряди блестящей заколкой из набора, который, помимо прочего, подарили ей на последний, двенадцатый день рождения и, наконец, натянув шерстяные носки, Соня направилась к кухне.

К этому времени мама, переодевшаяся в домашний халат, нарезала и раскладывала еще теплую запеканку — та до этого момента дожидалась семью в остывающей духовке. Отец, оставшийся в рубашке и все еще слегка влажных брюках, сидел за столом спиной к окну и перелистывал свежую газету. София снова обняла его, на этот раз по-настоящему, крепко и продолжительно, уколовшись нежной щекой о густую щетину — еще один признак нелегкой для отца ночи. В ответ он приветливо посмотрел на девочку, жестом указал ей на место напротив и убрал в сторону газету.

— Дамы — вперед. Сперва ты расскажи, как ты себя чувствуешь, что было нового в школе и жизни вообще за последнее время? А то я совсем выпал из контекста и ничего не понимаю.

София приступила к рассказу — как ее всегда учили родители, она старалась говорить полными предложениями, даже если сказать нужно было не так уж и много. И мать, и отец имели филологическое образование, но разной направленности: мама была школьной учительницей литературы, а папа — ученым с дополнительной степенью кандидата исторических наук, профессором в университете и писателем. Последним Соня гордилась больше всего. Она знала, что имя ее отца — Константин Новак — было известно даже ее одноклассникам по сборнику адаптированных для детей восточных сказок и повестей. Эта книга, отнюдь не единственная вышедшая из-под пера ее отца, увидела свет, когда ей было 4 года. После пробного тиража, раскупленного за месяц, она была переиздана каким-то невообразимым количеством экземпляров и до сих пор время от времени встречалась на полках магазинов в самом разном оформлении. Его повести и романы, вдохновленные, как и сказки, культурой востока, тоже ценились, пусть и в более узких читательских кругах.

Даже София, считая себя уже совсем взрослой, прочитала несколько отцовских историй. Сюжеты, скрытые смыслы и сама их структура оказались для нее сложноватыми несмотря на то, что она прилежно вникала в каждое предложение. Это, однако, заставляло ее гордиться папой еще больше — вот какие сложные книги он пишет, он ведь такой знающий, разносторонний и, как сказала бы мама, развитой.

Именно писательство позволяло семье Новак поддерживать тот уровень жизни, на котором они находились. Ни на отцовскую ставку профессора на кафедре, ни тем более на зарплату матери, работа которой включала и дополнительные подготовительные занятия для старшеклассников, не обеспечили бы им четырехкомнатную квартиру, пусть и в спальном районе, дачу за городом, до которой по современным меркам было рукой подать, ежегодные поездки к морю и многие вещи, которые до сих пор считались если не вовсе недоступными, то довольно редкими. Помимо бытовых нужд, часть доходов от книг Константин направлял на собственные исследования — София знала, что он изучал Османскую империю, но не смогла бы объяснить, чем она была так интересна и важна для отца и вообще. Никакой университет страны в то время не мог бы предоставить ученому столько возможностей: Константин посещал конференции и лекции на разных языках, большая часть из которых проводилась за границей, устраивал открытые чтения и семинары для специалистов и, что особенно завораживало девочку, бывал даже на раскопках. Из подобной поездки Константин и вернулся сегодня ночью.

Во время своего рассказа Соня догадалась, почему папа дал именно ей первое слово. Ведь он наверняка спал сидя в кресле самолета или не спал вовсе. Протараторив последние новости — о том, что она отлично себя чувствует, что за две недели не получила ни одной тройки, даже по природоведению, и что выучила наизусть всю программу произведений, нуж-

ную для экзамена в музыкальной школе — дочь не стала задавать никаких вопросов и пошла за столовыми приборами, чтобы семья, наконец, собралась за столом. Отец заметил, что она решила оставить его в покое и снова взялся за газету.

Соня засуетилась вокруг матери. Последние две недели ели они в основном вдвоем, а иногда девочка садилась за стол и вовсе в одиночестве, поэтому торопилась поскорее приступить к завтраку. Она достала чашки и заварник, который быстрым привычным движением наполнила ароматными листьями чая, коробочку которого они купили во время последнего отпуска на море. Сняв с плиты едва успевший начать посвистывать эмалированный чайник, Соня погасила газ и заварила чай. Раскладывая по чашкам сахар, в уме она считала: «Одну ложку маме, две — мне, а три — папе, всего шесть».

К этому времени мать закончила сервировку стола, достав к запеканке вишневое варенье и сметану, и уселась рядом с отцом. Тут же на столе оказался и чай, и семья, наконец, приступила к трапезе.

— Ну а как ты проводишь последние рабочие будни? — Обратился Константин к супруге.

— В суете, как и всегда в это время года. Проверяю контрольные, подвожу итоги. Вчера вот опять девятиклассники толпой ходили за мной и просили дополнительные задания. Видите ли, им надо исправить пару оценок. Каждый раз удивляюсь, и чем они всю четверть занимались...

Мать прервала рассказ и приступила к еде. Соня и Константин к этому времени уже украсили свои порции запеканки высокими горками сметаны и варенья и, прихлебывая чай, ждали продолжение рассказа. На кухне стало совсем тихо — только ложки стучали по тарелкам.

— Конкурс этот дурацкий еще, — продолжила мама. — Я еще в октябре случайно подписалась на него и совсем забыла. А теперь надо не только в школе выслушать стихотворения и кого-то выбрать для отправки на городской этап, но еще и сопровождать их. У меня ведь и так дел по шею. Кстати, я договорилась с Вишницкими о том, что Новый год мы все же у них будем праздновать. Само по себе это хорошо — не надо будет слишком много всего готовить, накрывать на стол да и убирать. Но мне как будто совсем не в чем идти к ним.

Она снова сделала паузу, прервавшись как бы для еды, но помимо этого ждала, что скажет муж. Что же он мог сказать, кроме «Да, Регина, это мы решим» или «Я тебя понял, родная, обязательно сходим и подберем для тебя что-нибудь»? Для него и дочери она трудилась не покладая рук, и он как мог поддерживал ее начинания и всегда, на что бы ни была направлена ее деятельность, ценил ее результаты.

Мама действительно делала все, что считала возможным, для поддержания их статуса и положения. Помимо работы, она почти полностью самостоятельно вела быт и организовывала для своих домочадцев разнообразный досуг. Квартира была всегда в порядке, хотя и не идеальном, ни разу за четырнадцать лет брака не случилось, чтобы ей нечего было поставить на стол из еды, все вместе или вдвоем с дочерью они примерно раз в месяц выбирались в театр, музей или кино. Как и ее муж, Регина высоко оценивала то, что тот делал для семьи. По телевизору только и говорят о том, как усложняется жизнь, как все стремительно меняется, а их семье как будто все нипочем. Даже София, оценивая все вокруг пока еще детским разумом, понимала, что это дорогого стоило.

— Припоминаю, что ты еще месяц назад присмотрела себе что-то в том магазине на углу? Я думаю, что на следующих выходных мы сможем выбраться за покупками, — Константин внимательно осмотрел жену. — Мне кажется, ты постриглась? Такая длина очень идет тебе.

— О, благодарю, — зарумянившись, с улыбкой ответила Регина на комплимент. — И покрасилась. В тот магазин, о котором я тебе рассказывала, привезли новую хну — какую-то зарубежную. Пришлось, конечно, повозиться и после всю ванную перемыть, но оно того стоило.

Она кокетливо покрутилась и слегка взбила распушенные по случаю выходного, черные, как вороново крыло, волосы — в рабочие дни она не носила никаких причесок, кроме строгого, собранного на затылке почти невидимыми резинками и заколками усердно приглаженного узла. Соня тихонько хихикнула, вспомнив, как еще на прошлых выходных мама костерила новую краску, в которой была не только вся ванна, но и она сама с головы до ног, и пол, и даже стены, как посылала к черту эту хну вместе со всеми индийцами, которые ее произвели. Девочка знала, что эта история повеселит и отца, но решила отложить ее на потом — чтобы мама не слышала. Болтая о прочих событиях недели, семья закончила завтрак.

Когда Константин, поблагодарив жену за труд, а дочь — за приятную компанию за столом, ушел в спальню, чтобы наверстать упущенное в дороге время отдыха, девочка помогла матери собрать со стола посуду, протерла крошки и отправилась в комнату.

Суббота всегда была деятельным днем и для Софии, и для Регины: матери каждый раз хотелось сделать дома как можно больше всего, чтобы освободить побольше времени в воскресенье, а дочь с возрастом просто впитала эту привычку. Естественно, основная часть домашних обязанностей лежала на плечах матери, распорядок Сониного выходного дня тоже был плотно расписан.

В первую очередь, она проверила школьную сумку. Убедившись, что все нужные на понедельник тетради и учебники уложены — уроки были сделаны еще с вечера — она отправилась снимать с растянутых на балконе веревок для белья школьную форму, которую теперь предстояло гладить. Как Сонины обязанности это было определено по настоянию матери, мол, ты должна сама следить за своей формой и обращаться с ней так, чтобы в школе к тебе не за что было придраться.

Невзирая на то, что София училась в той же школе, в которой работала ее мама, никаких преимуществ от этого родства девочка не имела. Более того, мама специально устроила все таким образом, чтобы ни один урок она не вела в Сонином классе — только это, по ее мнению, обеспечивало для всех здоровую конкуренцию и хоть сколько-нибудь непредвзятую оценку способностей дочери как с точки зрения педагогов, так и со стороны учеников. Особенно ярко демонстрировало это то, что Соня отнюдь не была отличницей. Ей легко давались русский и иностранные языки, литература, мировая история — еще бы это было иначе! — а вот с природоведением, физкультурой и уроками домоводства все было не так гладко. Тем не менее, по договоренности родителей, за плохие оценки ее никогда не ругали, требования же, которые распространялись не только на учебу, но и на обычную жизнь, были направлены совершенно по иному вектору.

Во-первых, Соня должна была быть самостоятельной. Это выражалось, например, в том, что в последний раз ей помогали с уроками в третьей четверти второго класса. Да, и мать, и отец могли ответить на какой-то единичный вопрос или даже рассказать подробно о каком-то пока незнакомом ей феномене. А вот стоять у нее за плечом, проверяя каждую строчку ее домашней работы, или выяснять, почему она получила ту или иную оценку за работу в классе, оба считали не слишком достойным для себя занятием — им хватало проверок работ у собственных подопечных.

Во-вторых, ни Константин, ни Регина не желали, чтобы коллеги-педагоги, завуч или директор выговаривали им за что-то неподобающее во внешнем виде или поведении Софии. В этом плане всем членам семьи повезло: она была спокойной, рассудительной и, что немало важно, чистоплотной девочкой. Даже наоборот, Соня любила иногда принарядиться, но только так, чтобы это по крайней мере в школе не бросалось в глаза: могла и ленточку в косу вплести, и украсить руки тонким браслетом или колечком — одним из подарков, привезенных отцом. Изредка, особенно ближе к праздничным дням, София могла тихонько залезть в тумбочку матери и подкраситься ее помадой или румянами. Она не гордилась этим поступком, но знала, что официального разрешения на макияж она сейчас не получит — такую просьбу она адре-

совала матери совсем недавно и получила спокойный отказ. Немаловажно было и то, что и учителя, и сами родители не то не замечали ее подкрашенное лицо, не то закрывали глаза на эту маленькую Сонину слабость — девочку устраивало любое из этих объяснений. В любом случае, именно это правило подразумевало то, что она с недавних пор начала не только складывать в стирку, но и гладить свою форму.

В-третьих, Соня не могла проводить все свободное время, как говорила ее мама, в праздности. Посещение хотя бы одного кружка или секции считалось в их семье еще одной обязанностью дочери, пусть выбор занятий полностью зависел от нее. Последние четыре года она ходила в музыкальную школу, училась играть на фортепиано, но, вернувшись к занятиям после летних каникул, поняла, что начала уставать от занятий: кроме непосредственно игры на инструменте, ей надо было осваивать и теорию музыки, что занимало больше свободного времени, чем она была готова выделить. Изначально София вообще не планировала изучать музыку. Ей нравилось ее слушать — но по большей части ее увлекали современные направления. А вот учеба в музыкальной школе была инициативой мамы — та и сама когда-то брала уроки музыки, и смогла за бесценок приобрести у одного из своих учеников инструмент специально для Сони.

Выходило так, что разговор о том, что она хочет бросить музыкальную школу, будет не из легких, и потому она сразу начала продумывать путь отступления — в рамках этого плана ей следовало предусмотреть, чем бы таким она могла заняться, что впечатлит маму и сделает разрыв с музыкой не таким болезненным для нее. И вот совсем недавно одна из ее школьных подруг рассказала ей о наборе в открывшуюся неподалеку школу фотографии. Соня загорелась этой идеей. Она только и ждала, пока начнется и закончится отцовская командировка, потому что семейный фотоаппарат, необходимый ей для занятий, принадлежал Константину. Не было никакого смысла подходить к маме, если он не разрешит ей брать единственную вещь, нужную для занятий. Сегодня, когда отец, наконец, вернулся, она не могла найти себе места из-за ожидания разговора, предстоящего ей, когда он отдохнет после поездки.

Чтобы убить время, София села за фортепиано и по несколько раз повторила произведения, подготовленные ей к экзамену — все как одно скучные, написанные композиторами, о которых она в жизни не слышала, и оттого совсем не приносящие удовольствия от прослушивания. Позанимавшись, она глянула на часы и поджала губы — короткая стрелка пока не доползла даже до двенадцати. Раздумывая, чем бы еще заняться, чтобы побыстрее наступил вечер, Соня, о чудо, вспомнила, что она еще в середине недели купила новый выпуск ее любимого ежемесячного журнала «Вокруг света». Она любила его и за статьи, разнообразные и увлекательные, и за яркие цветные иллюстрации. Сегодня она впервые в жизни посмотрела на обложку и задумалась — а что, если однажды и она сможет написать что-то для такого популярного журнала? И самое главное, каково будет дополнить текст фотографиями, собственноручно снятыми в самых удаленных уголках мира? От свежей идеи у девочки даже перехватило дыхание — теперь она была уверена, что отец пойдет ей навстречу, и с еще большим нетерпением стала дожидаться вечера.

Разговор с отцом прошел совсем не так, как представлялось Софии. После ужина — основными блюдами были суп с лапшой и рис с гуляшом — она шепнула ему о том, чтобы он ждал ее, потому что она хочет кое-что ему рассказать. В ответ Константин лукаво улыбнулся и направился в кабинет, захватив чашку чая, а дочь в это время сбегала за журналом и, приготовившись отстаивать свои новые интересы, села на низкую табуретку в углу комнаты.

Внешний вид крошечного помещения всегда завораживал девочку. Кабинет был прихотью отца и появился, когда тот расширил свою профессиональную деятельность от преподаательства и науки в сторону литературы — Соня помнила, как это происходило, но весьма смутно. По зову прихоти, он смог найти рабочего, который в неделю соорудил из фанерных пластин перегородку, отделившую значительную часть пространства от гостиной. Сделано это было таким образом, чтобы в кабинете осталось одно из двух окон прежней комнаты, и там

же оказался застекленный книжный шкаф цельного дерева, занимавший всю стену напротив входа и перегородки, от пола в потолок и от стены до стены — так не пришлось разгружать его, разбирать и вносить в кабинет по частям, чтобы тут же снова вернуть на полки сотни книг и безделушек.

Подходящих обоев для новой стены не нашлось. Те куски бумаги, которые оставались после ремонта квартиры, выбросили почти сразу. Но и оставлять стену так было невозможно, иначе гостиная напоминала скорее сарай или баню, да и кабинет был не лучше. На помощь пришла Регина, которая обладала утонченным чувством стиля и широкой насмотренностью, приобретенной ею в путешествиях и экскурсиях по музеям, дворцам и усадьбам. Она предложила, взяв любые обои, которые будут в наличии в первом попавшемся строительном магазине, выкрасить стену с обеих сторон в белый. Поначалу Константину эта идея показалась еще более странной, чем оставить все как есть, но жена попросила довериться ей. Так в ее руках оказался огромный холст, которым она распорядилась так, как никто другой не смог. С обеих сторон стена тут и там оборосла небольшими полочками, подходящими остальной мебели уже в двух отдельных комнатах. В углах со стороны гостиной, чтобы не так бросались в глаза стыки стен, выросли откопанные на блошке в соседнем районе этажерки для цветов. К потолку были подвешены горшки с ползучими растениями. На полки переехали некоторые книги и ранее припрятанные за неимением подходящего для них в квартире места сувениры из пока не очень многочисленных рабочих и личных поездок семьи.

Со временем белое полотно обросло десятками, если не сотнями фигурок, декоративных тарелочек, не особенно ценными с точки зрения науки артефактами — каждый со своей историей, которые никогда не уставал рассказывать Константин. И члены его семьи, и гости уже и не замечали белый фон, как нельзя лучше подчеркивавший постепенно ширившееся многообразие красок и форм, только восторженно ахали, если гостили у Новаков впервые и говорили что-то наподобие «Вот это да! Как в музее».

София была взволнована и во время разговора обращалась не столько к отцу, сколько к висящей у него над столом ритуальной маске, подаренной ему кем-то из его коллег из-за рубежа. В горле, и так пересохшем, першило — время от времени отец мог прямо в кабинете раскурить трубку в минуты особо сложных размышлений (мама, естественно, была против, но по их с папой договоренности, в его собственной комнате он мог делать что хотел) — отчего в кабинете воздух был всегда гуще, чем в остальных частях квартиры, и имел ни на что не похожий, теплый и как бы шершавый аромат табакерки.

Константин почти сразу догадался, в чем дело, но все же выслушал речь дочери, которую та так долго и тщательно продумывала свою речь. На то, что девочка собирается уйти из музыкальной школы, отцу было решительно все равно — сам он никогда музыкой не занимался. Иногда он ходил в филармонию с женой, иногда входе конференций слушал образцы традиционной музыки, исполнение которой устраивали его коллеги с соответствующей специализацией, изредка слушал отдельные композиции дома и по радио в машине. Но интерес Софии к изобразительному искусству, путешествиям и живому письменному слову наполнил его сердце радостью. Вместо наставлений и комментариев вообще, отец достал из стоявшего тут же еще не разобранного с утра чемоданчика массивный фотоаппарат в чехле рыжей кожи. Глаза дочери засветились, улыбка озарила ее лицо. Взявшись за руки, они вышли в гостиную. Сидящая перед телевизором в ожидании программы вечерних новостей Регина уже знала, что неспроста ее домочадцы шушукались за закрытой дверью, и готовилась выслушать идею, которая пришла в их беспокойные по ее меркам головы на этот раз.

Такие выходные дни, как эта суббота, были нетипичными для семьи Новак. Сегодня и отец вернулся, и предновогоднее настроение уже наполняло их дом и заснеженные улицы города. Но все же их жизнь вообще, их учеба, работа и всевозможные занятия, окрашивали быт яркими теплыми красками. София и ее родители осознавали, что жить так мирно и в то

же время разнообразно могут только единицы. Они берегли собственный покой, стараясь не то что не устраивать друг другу скандалов, но и вообще не повышать голос, сложные вопросы и планы они обсуждали на эпизодически и стихийно случавшихся семейных советах — один из таковых касался как раз предложенной этим вечером Константином «смены вектора дополнительного образования» дочери.

Вопреки ожиданиям, Регина не без сожаления, но быстро смирилась с предпочтениями девочки. Да, она была строгой к себе и окружающим, но прямое давление и насилие в подобных вопросах было ей чуждо. Она понимала, что формально София не нарушала никаких основных правил, касающихся ее поведения. Скрепя сердце, она позволила дочери после предстоящих перед праздниками экзаменов закончить занятия музыкой.

## Глава 2

Постепенно интерес Сони к журналистике и возрастал, и становился все более точечным. Она усердно готовилась к занятиям по русскому языку и литературе, тщательно прорабатывала изложения и сочинения, на досуге готовила ярко оформленные рефераты по истории и географии, которые, по мнению сразу нескольких учителей, были лучшими в классе и, возможно, даже во всей школе.

В школу фотографии Соня отходила в течение полутора лет. За это время она освоила весь функционал отцовской камеры и накопила приличную коллекцию снимков, которые делала во время прогулок по городу и семейных поездок. Помимо этого, спустя уже полгода после обретения нового хобби и даже цели жизни, она инициировала в школе организацию кружка журналистики — ее предложение поддержали сразу несколько преподавателей, но особенно помог пока не загруженный никакими дополнительными обязанностями учитель географии, вчерашний студент. Вместе они защитили проект кружка, суть которого сводилась к оформлению ежемесячных стенгазет с новостями о городе, стране и мире, перед директором школы. В итоге под кружок было выделено подсобное помещение, много лет используемое только для хранения сломанных парт, стульев и спортивного инвентаря.

В рамках голосования, в котором участвовали только географ и сама София, она была избрана главным редактором пока еще несуществующей стенгазеты. Вступив в свои обязанности, девочка от руки написала стопку объявлений с информацией о наборе в кружок журналистики и развесила их по всей школе.

Совсем скоро к ней начали приходить другие ученики. Костяк кружка, состоявший из самой Сони и двух других учеников — мальчика из параллельного класса и девочки двумя годами старше — сложился быстро. В остальном, в коллективе происходила плавная текучка: другие ученики приходили кто на пару недель, кто на пару месяцев, иные не выдерживали и одного раза. Постепенно преодолевая неловкость, Соня сблизилась и окончательно сдружилась со своими «подчиненными», хотя с каждым по-разному.

Леонид был невысоким, худощавым юношей с волнистыми каштановыми волосами и такого же оттенка глазами, носивший не по годам массивные и старомодные роговые очки, был, в отличие от Софии, отличником и увлекался не литературой и путешествиями, хотя и в них для шестиклассника разбирался прекрасно, а наукой в самых разных ее проявлениях. Его отец был инженером на заводе, а мать работала поваром в столовой там же и занималась воспитанием детей. В семье, помимо Лени, было еще трое детей: старшие брат с сестрой, которые уже закончили школу, и младшая сестренка — она только готовилась к поступлению в первый класс. Зная, как тяжело приходится его родителям, Леня мечтал сделать какое-то крупное открытие, скажем, в физике или химии, чтобы помочь своим близким. Больше всего он беспокоился о его маме, которая долгие годы была вынуждена вставать в пять утра и проводить целый день на ногах. Сейчас ее жизнь стала легче, потому что хотя бы старшие дети выросли и разъехались, но руки ее до сих пор хранили следы непосильного труда на работе и дома.

Леня стал постоянным участником журналистского кружка, потому что он старался принимать участие вообще во всех объединениях и мероприятиях в школе: будь то капустник, олимпиада или конкурс, он записывался в желающие одним из первых и, пусть и не достигая особых результатов, везде был отмечен как надежный, исполнительный и прилежный участник, которому можно поручить практически что угодно и не ждать проблем. В журналистском кружке он взял на себя написание статей о рутине: правилах поведения, безопасности жизнедеятельности, грядущих и прошедших государственных праздниках. Хотя его сочинения были ничем не примечательными и даже скучноватыми, другим Лениным преимуществом стал его неожиданно открывшийся талант иллюстратора — он украшал статьи подходящими случаю

рисунками, комиксами и узорами, причем такими, которые едва не затмевали соседствующие с ними Сонины фотографии. София быстро нашла к нему подход: вдвоем они живо общались на другие нейтральные темы, но ни она, ни Леня к сближению не стремились. Она ценила его мнение, обычно конструктивное и хорошо продуманное, уважала его способности и интерес. Тем не менее, мальчик даже не пытался составить конкуренцию ни своему главному редактору, ни второй постоянной участнице клуба.

Девочку постарше звали Ника. «Не Вероника, — поправляла она окружающих, особенно новых знакомых, при случае. — А Ника, это полное». Она была высокой, прямой и изящной, как балерина, с яркими и крупными чертами лица, на котором особенно выделялись зеленые с золотисто-карими крапинками глаза, и непослушной шапкой мелких кудрей, почти черных, но на солнце отливающих оттенками темного шоколада кудрей, которые нельзя было собрать ни в какую прическу, кроме высокого хвоста или пучка. В кружке она отвечала за радел стенгазеты со статьями о классических композиторах и писателях, изучала и переписывала новости о культуре, готовила анонсы постановок в ближайших к школе театрах — при этом в каждом своем тексте она умудрялась маскировать упоминания спорных и дерзких тенденций в моде, музыке и литературе.

Софии нелегко далось решение о том, чтобы допустить в ее газете граничащие с озорством статьи Ники. Когда клуб только сформировался, Соня вообще относилась к ней с подозрением — через маму, которая преподавала в Никином классе, она знала, что та была своенравной, а порой даже наглой девушкой. Домашние задания Ника выполняла только когда хотела, то есть когда ей было интересно, а в остальных случаях придумывала всевозможные отмазки. Что касалось внешнего вида, то Ника, пользуясь хитрыми уловками и дырами в школьном уставе, находила самые разные способы для самовыражения. Одним из самых ярких примеров такой манипуляции был случай, когда она, примерно за год до вступления в журналистский кружок, почти под машинку состригла свои жесткие пушистые кудри. В тот день, когда она пришла с новой прической, стоящая на входе школьная консьержка, суровая и неприветливая и в лучшие дни, отказалась пускать девочку на порог и подняла такой крик, что его было слышно на улице. Когда на скандал сбежались завуч и учителя, а по обе стороны от входной двери собрались внушительные группы детей, шепотом обсуждавших происходящее, сделать это все же пришлось. К большому сожалению всего педсостава, который пытался вразумить Нику, и эту выходку пришлось спустить ей с рук. Как и в иных подобных случаях, когда приходилось организовывать собрания для обсуждения очередного ее проступка, она сослалась на школьный устав, согласно которому прическа ученика должна быть аккуратной, без излишних украшений, а у мальчиков длиной не ниже линии плеч. Взрослые, как ни старались, не могли указать, что же плохого она сделала, к тому же прежняя ее прическа действительно выглядела куда более беспорядочной, а новая выгодно подчеркивала и преумножала красоту ее лица, притягивая восхищенные взгляды.

Еще один подобный случай произошел даже раньше, когда Ника пришла в школу, надев поверх юбки ярко-красный платок, украшенный несколькими цепочками — никакие ремни школьные правила вовсе не комментировали, и, по словам Ники, выходило все так, что можно было хоть кушаком подпоясаться и не бояться каких угодно замечаний. Редко кому-то удавалось переспорить или поставить на место явно зазнавшуюся ученицу, которую даже после окончания школы вспоминали не иначе, как бельмо на глазу.

Учеба при этом давалась Нике легко. Она не только не пропускала занятия без веского к тому повода, но и без проблем справлялась с любыми проверочными работами и бодро отвечала у доски, у учителей практически не было на нее управы и по этой причине. Многие из них грозились вызвать в школу ее родителей на беседу, но и это не помогало в ее усмирении — у Ники была только мама, которую почти не интересовала ни успеваемость дочери, ни ее поведение. Увидеть ее в школе удавалось крайне редко, потому что у нее, как и у дочери, в запасе

всегда имелись подходящие случаю причины пропустить встречу с взволнованными или даже разгневанными учителями. Со временем на поведение девочки все закрыли глаза — ничего противозаконного или опасного она не делала, а любые беседы о ее проблемах были как о стену горох, потому что Ника отказывалась комментировать как свою личную жизнь, так и учебу, не поддаваясь ни на угрозы, ни на поощрения.

Сонино отношение к Нике как к потенциально проблемному и даже опасному элементу социума — именно в таких выражениях Регина рассуждала о странной девочке дома — переломил ряд событий. Все началось, когда она впервые познакомилась с текстами статей, которые Ника принесла в качестве образца для стенгазеты. Грамотность, стилистика, оформление — и сама Соня, и учитель географии, который направлял ее в начале пути редактора, оценили все на высший балл. В случае с Никой одного качества статей было недостаточно для того, чтобы ее с ходу приняли в коллектив — при первой встрече она не смогла да и не захотела дать никаких гарантий относительно того, сможет ли она продолжать работать в том же духе. Это безусловно огорчило Софию, но и отказать сразу она ей не смогла. Дело было в том, что ей было попросту любопытно пообщаться с таким человеком, каким была Ника. От нее веяло непривычным духом дикости, озорства и свободы — тем, что до сих было незнакомо и недоступно для Сони, которой сильно льстил тот факт, что именно она и ее инициатива привлекли внимание человека, которого до сих пор не интересовало вообще ничего из происходившего в школе. Она знала, что Ника ходит на занятия не то по привычке, не то на автомате; как большинству учеников и учителей, ей представлялось, что та сбежит при первой возможности — уйдет в училище, даже не попытавшись поступить в старшие классы, как это обычно делали двоечники и хулиганы. Даже Регине, которая в глазах дочери была лучшим учителем не только в школе, но и во всем городе, не удалось приручить Нику, а она, София сделала это, даже пальцем не пошевелив. Такое понимание наполняло сердце девочки гордостью за себя как личность и за свою идею.

После прочтения пробных Никиных статей, София попросила у нее день на раздумья и отправилась за советом к отцу. Разговор, обогативший ее личные выводы относительно Ники еще несколькими новыми направлениями, оказался долгим. Константин был убежден, что любой человек заслуживает шанс доказать, чего он стоит, и на разных примерах донес эту мысль и до дочери. По его честному мнению, которым он также незамедлительно поделился, ни на отдельных статьях, ни на даже самом Сонином кружке свет клином не сошелся, так что, даже если Ника внезапно пропадет или сорвет сроки, ничего страшного не случится, а большинство читателей и вовсе ничего не заметит. От этой мысли девочке было немного обидно, особенно на контрасте с ее собственными рассуждениями — кружок был первым ее крупным начинанием, одним из многих, которые в итоге приведут ее к успеху, принесут славу в стране или даже в мире. Но и такую отцовскую мысль, пусть и с неохотой, девочка по-своему усвоила: масштаб школьной стенгазеты для нее, безусловно, мелковат, и однажды наступит день, когда она будет вспоминать о ней лишь с легкой ностальгической улыбкой — примерно так она вспоминала сейчас о том, как в детстве она играла в куклы или листала книжки, еще не выучив ни одной буквы. На следующий день, предупредив учителя географии о своем решении, она встретила Нику прямо у входа в школу и тут же оповестила ее о том, что та сможет писать для стенгазеты. Вопреки ожиданиям, Ника исправно сдавала по несколько статей в месяц.

Первые месяцы существования журналистского кружка София общалась с Никой не как с подругой или соученицей, а как с коллегой — почти всегда на рабочие темы: о выборе темы для следующего выпуска, сроках подготовки, реакции публики, то есть других школьников. Время от времени к их разговорам присоединялся и Леонид, по природе тихий и застенчивый, и хотя девочки были совсем не против включать его в различные обсуждения, он с трудом привыкал к их постоянному обществу. Постепенно, особенно в контексте совместной работы над некоторыми статьями, круг тем, которые могли обсуждать участники кружка, расширился.

Они начали обсуждать новости сами по себе, а не то, насколько будет актуально рассказать о них спустя две недели, делиться впечатлениями о прочитанных книгах и просмотренных фильмах и даже беззлобно сплетничать об учениках в их школе и некоторых других учебных заведениях, которые находились поблизости. Особенно часто разговоры Софии и Ники касались музыки — современной и популярной, в отличие от той, о которой приходилось рассуждать в стенгазете.

У обеих девочек дома были внушительные коллекции музыкальных пластинок и кассет — зарубежных и отечественных, сборников и альбомов, принадлежащих как им самим, так и их родителям. Также у каждой из них были проигрыватели для пластинок и магнитофоны. Соня с Никой быстро поняли, что одних обсуждений композиций и музыкальных коллективов им недостаточно — в первую очередь музыку надо было слушать. Обeim, однако, было строго запрещено приносить в школу музыкальную технику, причем и родителями, и географом, который формально продолжал числиться главным ответственным за участников кружка. Недолго думая, девочки решили слушать музыку дома у Ники, что было обусловлено сразу несколькими простыми причинами. Большую часть времени она была дома одна, даже по вечерам — ее мама вечно пропадала не то из-за работы, не то из-за других дел, когда Сонины родители в силу их профессии могли и вечером рано вернуться, и неожиданно заскочить по какому-нибудь делу и в середине дня, что особенно часто делал ее папа, не говоря уже о том, что периодически он днями напролет работал дома. Именно так однажды и случилось. Решив погулять после учебы, девочки зашли в квартиру Софии — она хотела выложить учебники, переодеться и взять камеру для выполнения домашнего задания, полученного в школе фотографии. Дело было пятиминутное, и Ника ждала ее в дверях, когда в квартиру неожиданно влетела запыхавшаяся Регина, для которой присутствие именно этой девочки в ее жилище в первые секунды показалось галлюцинацией, следствием усталости. Мать в итоге ничего не сказала Соне, но неловко было всем троим, и с тех пор Ника зареклась заходить даже в подъезд дома семьи Новак, хотя ей, как она часто признавалась, было интересно познакомиться и пообщаться с Константином — как и многим, его сборник сказок был знаком ей с детства.

В очередной раз, когда Ника позвала подругу в гости, с Софией случилось то, что она позднее считала озарением — поворотным днем в ее жизни, оказавшим влияние на нее саму и все ее будущее. Это был период весенних каникул, выпадавших на такую погоду, при которой было совершенно невообразимо находиться на улице. Сделав все домашние дела еще утром, Соня отпросилась на прогулку у матери. С кем конкретно она собирается гулять, она не рассказала, но по собранным к переносице бровям и поджатым губам Регины без особых сложностей можно было считать, что та и так все прекрасно поняла. Тем не менее, разрешение она все-таки получила — запираить ее дома не было никаких причин — и уже через полчаса девочка стучала в дверь Никиной квартиры: мало того, что дверной звонок был сломан, так еще и Ника открыла дверь минут через десять, когда София усилила удары настолько, что переживала, что ее прогонят соседи, и уже было засобиравалась домой.

Ника встретила ее, потирая глаза, с остатками вчерашней прически, а точнее прядями, зафиксированными лаком в самых неожиданных направлениях, и такой растянутой и посеревшей футболке, которая в Сониной семье не могла бы считаться подходящей даже для мытья пола. Ника, приобняв подругу за плечи, впустила ее, пригласила на кухню и сделала две кружки чая, на редкость безвкусного и подозрительного на вид. Выбирать не приходилось — другие напитки и вообще продукты не слишком часто бывали в ее распоряжении, зато в изобилии было кое-что другое. Ника вышла из кухни и, вернувшись через полминуты, закурила сигарету от лежавших над плитой спичек. Эту привычку она приобрела еще до знакомства с Соней, при этом кроме нее никто не знал о том, что Ника курит. Она не позволяла себе это ни во время учебы, ни вообще на улице, зато дома могла дымить хоть целый день. Софии это не нравилось,

но выяснять, когда и почему Ника начала курить, она считала совершенно излишним, приняв это как данность.

Кухня наполнялась дымом, девочки, попивая чай, делились последними новостями.

— Погоди пять минут. Я переоденусь и все тебе покажу.

С последнего учебного дня четверти прошла почти неделя. Дни напролет девочки гуляли по улице, забредая в незнакомые дворы и скверы. Все это время Ника рассказывала Соне о новой кассете с альбомом американской группы, которую неизвестно откуда притащила ее мама. Но прийти к Нике, чтобы послушать музыку они не могли — именно сейчас родительница, которую было крайне сложно застичнуть дома, в особенности днем, почти не выходила из квартиры. Из-за этого Нике не оставалось ничего иного, кроме как без устали рассказывать подруге о том, что она знала о группе и музыке, которую они исполняли.

София и сама знала о творчестве этой группы — читала о скандалах, в которые попадали ее участники, фурорах на их концертах. Впервые ей представилась возможность не просто узнать что-то о них, но проникнуть в феномен их славы напрямую — через песни. Ника, в свою очередь, без устали продолжала своим энтузиазмом подогрывать Сою, так что ждать ей было уже невыносимо, но виду она не подавала. Ника, затушив бычок струей воды, убежала в другую часть квартиры, а Соня тихонько разглядывая кухню, допивала чай.

— Заходи! — Услышав долгожданное приглашение, девочка направилась в спальню подруги. Та уже привела себя в более-менее приличный вид и яростно тыкала в кнопки магнитофона. — Сейчас, перемотаю. Ты не представляешь, там уже первая песня тебя с ног собьет, обещаю! Остальные тоже хороши, но она...

Наконец, заиграл гитарный риф — основная тема композиции, повторявшаяся на протяжении всей песни. Зазвучали ударные, и сразу же, когда Ника резко прибавилась громкость, заревели и остальные инструменты. Музыка была ритмичной, яркой, расчетливо-неаккуратной. Голос солиста ревел, иногда срываясь на крик. Ника в это время уже вовсю прыгала по комнате, полностью погрузившись в музыку. Ее прическа, только что более-менее приведенные в порядок, приобрела примерно такой же вид, что и десять минут назад. София в это время сидела на углу Никиной кровати и вслушивалась в песню. Тогда она еще не понимала, что перед ней распахнулась дверь в новый мир, хотя чувствовала, что музыка затягивает ее дальше и дальше в неведомый доселе водоворот. Соня вскочила было, чтобы посмотреть название песни — она тут же захотела во что бы то ни стало заполучить себе если не весь альбом, то хотя бы одну ее. Только она протянула руку к блестящей сине-голубой кассете, Ника, крича что-то нечленораздельное, схватила ее за запястье и затянула в свой бешенный танец, видом и степенью воздействия напоминавший что-то первобытное. Теперь они уже вдвоем крутились, прыгали, смеялись и визжали, забыв о том, что у них есть соседи, дела, родители и жизнь вообще. Как только голос солиста стал затихать, Ника, не дав себе передохнуть, снова перемотала кассету на начало — веселье продолжилось. После второго прослушивания, вконец обессиленные и запыхавшиеся, девочки упали на кровать.

За день они трижды прослушали альбом от начала и до конца. Вместе они обсуждали достоинства разных композиций, старались, подражая настоящим музыкальным критикам, отмечать особенности стиля, искали цитаты, что давалось им отнюдь не легко. Отдыхали они только в те моменты, когда Нике в очередной раз хотелось курить, для чего они шли на кухню, и русло беседы сразу менялось на более повседневное.

Ника нашла пустую кассету, на которую записала те треки, которые особенно понравились Софии. Та, посмотрев в окно, заметила, что незаметно наступил вечер — хотя с каждым днем становились короче, и на улице было еще светло, она знала, что ее уже ждут дома. В последний раз девочки направились на кухню, где Ника снова заварила чай. Сама Соня не ела ничего с завтрака и недоумевала, глядя на Нику — за целый день та даже холодильник не

открыла. Ощущая небольшой дискомфорт в области живота и оглядываясь вокруг, в голову ей пришла странная неожиданная идея:

— Дай-ка мне тоже, — попросила она, протянув руку к красному огоньку сигареты.

Ника заколебалась. Сама она начала курить примерно в том же возрасте, в котором была ее подруга, но впервые ощутила некую ответственность — не только за Соню, но и вообще, а потому, не зная, как ей отреагировать, неуверенно ответила:

— Это тебе зачем? Ладно я, мне уже не привыкать, но ты? Если попробуешь, вдруг не остановишься?

— И что? — Пожала плечами Соня, понимая неожиданность своей просьбы и прекрасно зная об эффекте сигарет, о вреде которых ей рассказывали и дома, и в школе. — У меня папа вон курит, и ничего.

Поколебавшись еще пару секунд, Ника все же пришла к выводу, что учить кого-то, а особенно Соню, жизни, ей не к лицу. Она протянула оставшуюся часть сигареты подруге и стала наблюдать за ее реакцией.

София коснулась губами теплого и слегка влажного фильтра. Она не особенно хорошо представляла, что могла бы от этого ожидать, но смело вдохнула дым. Во рту стало горько, горло обожгло. Она не закашлялась, как всегда себе представляла, но у нее так закружилась голова, что она едва удержалась на стуле, на котором сидела. Соня убрала сигарету от лица и начала следить за постепенно тающей бумагой и дымом, выходящем из сизого зажженного ее края, поддаваясь его гипнотическому влиянию.

— Смотрю, тебя немного пришибло? — Ухмыльнувшись, спросила Ника, зажигая для себя новую сигарету. — Что скажешь?

Отвечать Соне не хотелось. Головокружение постепенно ослабевало, зато руки и ноги стали ватными. На секунду ей пришла в голову мысль о том, что она бы вечно вот так сидела на этой кухне, после целого дня прослушивания музыки, которая ее никак не отпускала. Отвечать на вопросы не хотелось, но игнорировать подругу она тоже не могла.

— Ничего, все нормально.

Ника не усердствовала с расспросами, продолжая наблюдать.

Накрывшее Соню тяжелое одеяло, принесенное никотином, постепенно таяло. Не успев сбросить пепел, остатки которого теперь криво свисали с желто-оранжевого бычка, она сделала над собой усилие, схватилась за край стола, поднялась и направилась к раковине, чтобы, по примеру Ники, затушить сигарету. Ее уже почти отпустило от первой и пока последней затяжки, и она, не дожидаясь Нику, пошла собираться домой.

Вскоре подруги попрощались, договорившись встретиться снова как можно скорее, хоть завтра, и София неторопливо направилась домой. Раскидывая остатки снега и поскальзываясь на краях луж, она раздумывала, что бы сделать, чтобы родители не почувствовали запах табака, иначе ей не избежать неприятного разговора. Мама и так с подозрениями расспрашивала об их с Никой общении вне школы, так что усугублять ее неприязнь Соне совсем не хотелось.

Дойдя, наконец, до квартиры — к этому времени на улице уже стусились ранние весенние сумерки — София как могла тихо открыла дверь. Свет в прихожей горел, что было довольно удачно, потому что она не привлечет внимания тем, что зажжет его, а в гостиной работал телевизор. Девочка бесшумно разделась и направилась в ванную, решив не только помыть руки, но и хорошенько почистить зубы. Когда она закончила и вышла, в коридоре ее уже ждала мама. Сложенные на груди руки не предвещали ничего хорошего.

— Ты чего прокралась, не поздоровавшись? — Спросила она, уже зная ответ на свой вопрос.

Соню тут же бросило в холодный пот. Время от времени мама и раньше ловила ее на мелких проступках, ругала и даже наказывала, но по сравнению с тем, что было сегодня, любая из более ранних ситуаций была не стоящей внимания мелочью. В попытке проглотить подсту-

пивший к горлу ком, который все еще был наполнен никотиновой тяжестью, она сиплым голосом ответила:

— Да я здоровалась, но тихо... — Сиплый голос девочки мог бы указывать на то, что она совала голос, или что после долгой прогулки у нее заболело горло, и при новых вопросах она могла бы отговориться именно этим. Не успев проговорить что-то из этих оправданий, Соня была настигнута новым вопросом, заданным с куда более серьезной и даже злой интонацией.

— Дочь, ты курила?! Весь коридор уже провонял.

София была бы рада оправдаться. Она готовилась к подобному разговору, хотела пояснить, что они были у Ники, и что на самом деле курила ее мама — подругу она тоже подставлять не собиралась — и вообще они только на 5 минут к ней заскочили, но Регина не дала ей собраться с мыслями.

— У тебя все на лице написано. Да и ты сама вся пропахла, я же чувствую! Это Ника тебя приучивает? Она купила сигареты? Давно вы так время проводите?

С каждым вопросом мать все сильнее распаляла сама себя, интонация повышалась, скорость речи возрастала. Ей уже не нужно было слышать ни одного ответа — лицо дочери, становившееся то пунцовым, то бледным, руки, вытянутые по швам и сжатые кулаки говорили сами за себя.

— Где они? Доставай, или я сейчас сама тебя обыщу!

Мама направилась к вешалке с одеждой, сорвала Сонину куртку и принесла ей. Дрожащими руками девочка начала шарить в карманах — сигарет там, конечно, не было, и она вытаскивала одной рукой перчатки, носовой платок, смятые фантики и чеки, которые почти сразу перестали помещаться в кисти и по одному с тихим шелестом рассыпались по полу. Шокированная Соня не пыталась ни перечить, ни отказаться от такой проверки.

— Ого, ну раз так, — продолжила мама, снова подойдя к вешалке. — Я тебе помогу.

Она схватила небольшую холщовую сумку Софии, которой та обычно пользовалась вне школы, и в отчаянии и ярости начала поиски уже в ней. Так и не увидев искомое, находясь уже на грани истерики, она расстегнула все замки и перевернула сумку вверх дном.

Собираясь утром, Соня почти ничего не брала с собой, пользуясь сумкой скорее для вида. Как и в карманах, почти все, что было в ней, относилось скорее к мусору — там были рассыпаны старые школьные черновики, пара карандашей, деньги. Кроме разлетавшихся во все стороны бумажек и монет, уже скакавших по полу, с пластиковым грохотом из сумки выпала кассета. Коробочка раскрылась, кассета отскочила к Соне, и та резким движением подняла ее с пола и прижала к груди. Из комнаты выскочил отец.

— Что у вас происходит? Рина, что ты устроила?! — Он тоже был взволнован и злился — последнее время он занимался написанием серии статей и намеревался закончить их до выходных, поэтому посвящал этому уже не первый вечер.

— Костя, оставь нас, я сама разберусь! Она курила!

Константин сделал было движение по направлению к ним, но, раздумав секунду, развернулся и отправился в кабинет, даже не взглянув на Соню, которая, ища помощи, смотрела на него с тех пор, как он оттуда выскочил.

В это время Регина, перешагнув коробочку, подошла к дочери и вырвала из ее рук кассету.

— А это что? — Продолжала она распекать девочку, и вновь не давая ни секунды на обдумывание ответа. — Я забираю это у тебя и запрещаю вам видеться. Как только увижу, сразу переведу тебя в другую школу, так и знай!

В сердцах мать замахнулась было на дочь зажатой в кулаке сумкой. Только приподняв руку, она поняла, что делает, и бросила сумку к ногам дочери.

Глаза Софии наполнялись слезами. Плакать сейчас она не хотела — больше всего она была бы рада возможности укрыться, спрятаться хоть где-то и уже там расплакаться.

— Или нет... — Не менее злобно, хотя уже тише, сказала Регина. — Я добьюсь, чтобы выгнали ее. Ничего, она уже один аттестат получила. Пойдет в училище и пусть хоть укурится там с такой же дрянью, как и она!

Этого Соня терпеть уже не могла. В глазах совсем помутнело от слез, и сдерживать их больше не получалось. Они ручьями потекли по щекам, став, видимо, неким сигналом для матери. Она отвернулась от девочки и направилась, не зная, куда себя деть, на кухню. София поняла, что разборки, наконец, кончились, и подняла сумку. Тихонько всхлипывая и утираясь курткой, которую девочка все еще держала в руках, она собрала разбросанные по полу вещи, среди которых была и коробочка от кассеты. Она вернула вещи на вешалку и, поглаживая пальцами прозрачный пластик, направилась в комнату, где смогла, наконец, дать волю эмоциям. Тихонько подвывая, не в силах больше сдерживаться, она, не включая свет, упала на кровать прямо в одежде. Расслабляться было рано — вскоре мама ворвалась в спальню.

— Диктуй мне ее номер. — Регина тяжело дышала, держа плечом телефонную трубку, а руками — бумагу и ручку.

— Не нужно, пожалуйста...

— Я сейчас же вызову ее мать в школу — встретимся сразу после каникул. Рано или поздно я его все равно найду, так и знай.

София поняла, что положение у нее безвыходное, но все же попыталась предпринять хоть что-нибудь.

— Ее мамы нет дома, — она приподнялась на локте, в попытке выровнять дыхание и остановить слезы, которые она не хотела показывать.

— Все равно. Я позвоню столько раз, сколько потребуется.

Предпочитая видиться в школе или после нее, девочки редко болтали по телефону подолгу — он нужен был им только для того, чтобы договариваться о встречах. Происходили таковые часто, поэтому они быстро запомнили номера друг друга. Соня сбивчиво продиктовала цифры, мама записала их и начала набирать номер.

Девочка не хотела слушать этот разговор. Она закрыла дверь и вернулась в кровать, с головой накрылась одеялом и продолжила плакать. Как бы она не старалась закрыться, до нее долетали обрывки разговора — уже не на повышенных тонах, но напряженного и резкого.

— Здравствуй... А где же она? Ты не объяснишь, как... Чтобы я больше тебя... Я запрещаю вам видиться!.. Всего доброго.

По звуку София поняла, что мама снова направилась в кухню. Подходило время ужина. Медленно успокаиваясь, она вслушивалась в звуки возни на кухне. Под одеялом стало жарко и влажно, и Соня раскрыла голову. Неосторожным движением она скинула с кровати что-то небольшое и лежащее поверх одеяла, что, упав, наполнило комнату пластиковым звоном. Резким движением она подняла коробочку и положила ее возле головы — ее настигала вторая волна истерики.

Голова была почти пустой — София не злилась ни на мать, ни на Нику. Та ведь пыталась ее остановить, пусть и не сильно усердствовала в этом. А вот реакция отца, точнее, ее отсутствие, ее ранила. Почему он не подошел и даже не сказал ничего? Время от времени за курение мама отчитывала и его, и он все равно всегда оставался при своем. Так почему же сейчас он даже не попытался встать на ее сторону?

Раньше, почти всегда, когда Регина отчитывала или ругала дочь, та могла рассчитывать на помощь. Если отец не вмешивался в разговор прямо, он находил способ прервать гневную тираду и забирал Соню к себе в кабинет. Там он давал ей выговориться, объяснял, почти без эмоций, в чем она была права или неправа, оправдывал Регину или, гораздо реже, слегка подшучивал над ее недовольством в тех вопросах, которые ему самому касались незначительными. Ну а когда ссора происходила не при нем, Соня все равно могла рассчитывать на то, что он придет и даст ей выговориться. Впервые в жизни ей не хотелось поделиться с ним переживани-

ями и даже больше — еще днем она мечтала рассказать ему о новой музыке, которая несколько раз подряд разбивала и собирала обратно ее сердце, но сейчас, поглаживая коробочку, она решила, что оставит это воспоминание только для себя и Ники.

В коридоре раздались тяжелые шаги отца. Сперва у Софии мелькнула надежда, что он все же сейчас зайдет к ней, объяснит, почему так поступил и попытается исправить то, что касалось Соне его небольшой оплошностью или недоразумением. Но отец прошел мимо, и вскоре из кухни раздались тихие голоса его и матери — по-видимому, разобраться в ситуации они решили без нее. «Ну и ладно», — с обидой подумала девочка, с этой минуты решившая оставаться в комнате столько, сколько это было возможно.

Из кухни доносился запах жаркого, которое мама разогрела на плите. Родители сели ужинать, не дожидаясь Соню и даже не позвав ее, как обычно, к столу. «Все равно я бы к ним не пошла», — продолжила она мысленно выражать свою обиду. Шло время, девочка понемногу успокаивалась. На кухне стих всяческий шум, две пары шагов направились в другую часть квартиры. Незаметно для себя, она уснула прямо в одежде.

София проснулась рано утром, больше спать не хотелось. Она твердо решила, что сегодня ни с кем не будет видаться, и отправилась на кухню после того, как убедилась, что по крайней мере там никого нет. Она поставила чайник, пока закипала вода, сделала бутерброды с колбасой и сыром. Заварив чай, в один заход отнесла завтрак в комнату. Вообще есть в комнате ей не то что запрещали, но не поощряли, да и в любое другое время она была бы рада встретиться с домочадцами за столом и съесть что-то горячее и более внушительное, что почти каждое утро готовила для всех мама. Но в это раз все было иначе. Только после возвращения она обратила внимание на то, что со вчера не переделалась из уличной одежды и так и проспала всю ночь в брюках и водолазке, которые надела еще предыдущим утром.

Переодевшись в домашнее, Соня занесла вещи в стирку и заодно тщательно умылась. Ее лицо оставалось покрасневшим и опухшим от слез, что живо напомнило ей о вчерашних событиях. По возвращении в комнату девочка забралась обратно в кровать и завтракала, погрузившись в научно-фантастический роман, который она взяла по совету папы несколько дней назад.

Через пару часов Регина и Константин тоже проснулись. Их утренняя рутина никак не поменялась, но девочке было все равно: она, в попытках забыть о вечере и занять чем-то совершенно пустое утро погрузилась в хитросплетенную историю с красочными космическими сражениями и погонями. Через некоторое время отец отправился на работу, мать тоже вышла — по-видимому, в магазин, и Соня заполучила возможность на некоторое время выйти из комнаты.

Сперва она хотела посмотреть, не идет ли чего интересного по телевизору, и усевшись на диван в гостиной начала листать каналы. Не найдя ничего хоть сколько-нибудь занятного, девочка, ни о чем конкретном не думая, начала бродить по квартире. Ей в голову пришла новая идея — а что, если получится найти кассету, которую вчера отобрала мама, и, пока есть время, послушать хоть одну песню? Недолго поколебавшись, она отправилась в родительскую спальню и попыталась поискать кассету там. Стараясь ничего не передвигать, София осматривала содержимое тумбочек, комода, туалетного столика матери. Кассету найти не удалось. Поиски переместились в гостиную, где был установлен шкаф во всю стену — как раз в одной из его ячеек был поставлен телевизор, цветной, но старый настолько, что Соня не помнила, когда он появился, хотя была убеждена, что было время, когда она лично смотрела что-то на его черно-белом предшественнике. В самом шкафу были десятки ящиков и полок. В основном содержимое всех их было тщательно рассортировано и использовалось в быту, пусть и не каждый день, но часть была набита откровенным хламом. Поиск предстоял нелегкий.

София копалась в ящиках около получаса, когда в двери зазвенели ключи. Пришлось прерваться и выйти в коридор, потому что скрыться от матери обратно в комнате она не успела. Не зная, куда себя деть, девочка стояла в темном коридоре и смотрела на пакеты.

— Неважно выглядишь, — строго отметила Регина, но в ее голосе звучали нотки участия.  
— Хоть бы причесалась.

Соне не хватало только того, чтобы ее снова отчитывали. Избегая ответа, она подняла с пола пакеты и понесла их в кухню. Мама зашла туда, и они вместе начали разбирать покупки.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — Прохладным тоном продолжила она.

Софии действительно не хотелось сказать что-либо не только маме, а кому угодно. Она не до конца понимала, к чему та клонит. Чего ей должно хотеться, почему? Следовало выбрать какой-то простой, не требующий дополнительных объяснений ответ, который не даст развить разговор далее.

— Извини, — не глядя на Регину ответила девочка.

— И за что же?

— Я не должна была вести себя так. Я больше не буду.

Соне повезло — ответ действительно оказался более-менее безопасным. Уже почти закончив доставать продукты, она заметила, что мать подошла к ней. Она только смотрела, ни на что не намекала, стояла ровно, погруженная, как и дочь, в свои мысли. Та восприняла этот жест как молчаливый призыв, на который также следовало ответить. София протянула руки и нежно обняла Регину, приложив голову к ней на плечо.

Заклучив, наконец, мир, Регина сказала, что планирует готовить борщ и макароны с котлетами на следующую неделю, и поинтересовалась, не хочет ли Соня к ней присоединиться. Когда та, не задумываясь, кивнула, напряжение окончательно спало — они приступили к делу.

Оставшаяся часть дня прошла беззаботно. Отец вернулся в обед, сделав вид, что вчерашнего дня и вовсе не было. Все шло своим чередом, кроме одного — София впервые почувствовала нечто вроде кома в груди. Она не могла бы охарактеризовать это никак иначе, кроме как «что-то плохое», но понимала, что это плохое было однозначно направлено по отношению к ее отцу.

## Глава 3

Через несколько дней Софии и Регине пришла пора возвращаться в школу. В первый понедельник последней четверти они направились туда вместе, и мать впервые напомнила об их ссоре.

— Я по-прежнему считаю, что общаться с Никой вы не будете. Я не стану заставлять тебя уходить из кружка, но знай, что даже там видеть вас вместе я не хочу.

Почти все остававшееся каникулярное время Соня провела дома — за исключением воскресенья, когда семья отправилась на прогулку в парк. Мать же за это время успела множество раз мысленно вернуться к сложившейся ситуации. Угроза выгнать Нику из школы была совершенно несостоятельной, потому что формального повода сделать это у нее не имелось. Да, она курила, но раз это происходило дома и только там, то она не могла ни доказать это, ни использовать в качестве аргумента. Намеренно портить ученице оценки, настраивать против нее других учителей или мешать дополнительным занятиям противоречило педагогическим принципам Регины. Также она понимала, что Нике осталось доучиться всего год — следующий. После этого она покинет стены школы и, с большой долей вероятности, они не смогут общаться с Соней. И не потому, что якобы она запретила — их пути просто разойдутся. Вместо этого, она намерилась добиться того, чтобы дочь сократила время, проводимое с подругой, до минимума. В этом направлении следовало еще подумать, но первый шаг она уже сделала.

София ничего не ответила на замечание матери. Подобные ограничения раньше никогда не озвучивались в ее семье. Не будучи приученной к запретам такого масштаба, она знала, что найдет способ общаться с Никой, и была убеждена, что не сможет бросить подругу, которая совершенно случайно попала под горячую руку по какой угодно причине.

Привычно попрощавшись с матерью у крыльца школы — обе они не хотели, чтобы кто-то из педагогов или детей излишне акцентировал внимание на их родстве — София пошла вперед. Она быстро разделась и ушла исследовать школьные коридоры, чтобы найти Нику. Расписание занятий еще не сформировали, и она могла находиться у любого кабинета, за исключением крыла начальной школы. Незадолго до звонка к первому уроку, Соня нашла ее и, предварительно убедившись, что матери поблизости нет, без слов, одним взглядом, пригласила идти за собой. Девочки направились в туалет — одно из немногих мест в школе, где можно обсуждать и делать почти все. Оказавшись наедине, подруги крепко обнялись.

— Ну привет! Видела, вы вместе пришли. Сейчас у вас все нормально? — Ника, будучи весьма проницательной и достаточно опытной для своего возраста, еще по звонку Регины поняла, что случилось у Софии. Задавать лишние вопросы у нее не было никакой необходимости.

София ответила ей шепотом, хотя в помещении кроме них больше никого не было.

— Привет. В целом, да, хотя мне досталось, как никогда — потом расскажу. Я теперь думаю, что нам делать — мама запретила мне с тобой видеться. Но есть одна идея.

— Выкладывай, посмотрим, — Ника тоже понизила голос.

— В кружке и вообще в школе мы встречаться не можем. Но я знаю, как мы могли бы говорить. Давай передавать записки через Леню? — София придумала этот способ общения еще в первую ночь. Покров тайны, особенно общей, придал ей сил. Только благодаря всестороннему обдумыванию секретной переписки выходные перед новой четвертью оказались для нее сносными.

— Можно попробовать. Люблю играть по правилам. Мне запретили с тобой видеться, а не дышать одним воздухом. Ты начнешь? — Нике идея пришлась не совсем по душе. На ее вкус, это было излишне романтично, да и Леониду она не особенно доверяла — тот уважал и побаивался всех учителей, включая добродушного трудовика, и мог запросто невольно прого-

вориться или даже намеренно сдать их. С другой стороны, его, такого правильного, обязательного сложно было подозревать в том, что он прочитает, потеряет или отдаст записки Регине или кому-либо еще. Надо было всего-навсего хорошенько объяснить ему, что к чему. Вот только Нике совершенно не хотелось брать на себя эту обязанность, поэтому она дополнила просьбу. — Но с Леней уж будь добра сама договориться, у тебя такое лучше получается.

— Ладно, тогда жди. Мне уже пора, — Соня снова приобняла подругу и направилась к своему классу.

Первую записку она сочинила и написала на уроке. Ника уже и так догадалась, что произошло, но она все равно кратко описала вечер после их последней встречи и сказала, что мама забрала ее кассету. И да, она пыталась ее найти, но сделать этого так и не удалось: в очевидных местах она кое-как посмотрела, но на остальные не хватило времени — кто-то из родителей вечно был дома. По словам Сони, также им следовало решить другую проблему: она хотела продолжать общаться с Никой вне школы, и для этого нужно было что-то придумать. Но на этом моменте ее фантазия иссякла, и она предложила подруге найти для этого способ.

Закончив записку, София решила, что надо как-то подписаться — так их учили на английском, единственном уроке, где они писали хоть какие-то письма, пусть они все и были адресованы выдуманному другу Джону. «С наилучшими пожеланиями, Соня», — закончила она, хихикая про себя. Плохое настроение, преследовавшее ее с момента ссоры до сегодняшнего утра, окончательно улетучилось. Оставалось дожидаться окончания уроков и посетить журналистский кружок.

Договориться с Леней удалось на удивление быстро. Вопреки Сониным ожиданиям, его не пришлось ни уговаривать, ни объяснять что-то дополнительно. Она даже подумала, что ему приходится делать что-то подобное не впервой. Припомнив, что у того была большая семья, где у каждого наверняка были свои секреты, София пришла к выводу, что такая реакция была вполне ожидаемой. Единственное условие, которое в ответ на просьбу поставил Леонид, — это то, что он никогда не будет искать кого-то в школе или где бы то ни было еще, а ограничится функционалом почтового ящика только в помещении журналистского кружка. Признав идею Лени более чем здравой, Соня тут же согласилась и вручила ему первую записку.

Ответ она получила на следующий день. Видимо, Нику впечатлила идея подражания учебным письмам — мало того, что она подписалась «С любовью, Ника», так еще и начала письмо с показавшегося Соне уморительным «Дорогая Софи». С улыбкой до ушей, она принялась за чтение. Помимо сожалений, описанных так же высокопарно, как это было принято на английском, Ника высказала интересную мысль в ответ на Сонину просьбу придумать, как бы им обойти материнский запрет: им нужно было найти какое-то занятие вне школы, ведь Сонины родители были не против любых кружков и секций.

Присоединиться к подруге в школе фотографии она, даже если бы хотела, не могла, потому что у нее не было камеры, но взамен этого она вспомнила, что напротив ее дома есть студия творчества, в которую можно было записаться кому угодно и в любое время. Из занятий там были на выбор либо рисование, либо вязание, и вела их по три дня в неделю одна и та же сухая дама неопределенного возраста и занятости. Идея Софии понравилась, только вот из-за накладок в расписании подошло ей только вязание. Она передала Нике письменный положительный ответ и предложение встретиться после уроков около студии — она знала, где находится здание и всегда с интересом рассматривала стеклянные, но матовые от пыли стены его цокольного этажа, за которыми находилось то, что называлось «Творческой мастерской».

Они встретились и без особенных сложностей записались на занятия. Они оказались платными, но стоимость была чисто символической — Соне, чтобы посещать их, не нужно было даже ничего просить у родителей, потому что карманных денег, которые ей выдавали еженедельно, хватало для того, чтобы заниматься в студии все три дня в неделю. Вязание дево-

чек никогда не интересовало, но теперь у них появилась возможность встречаться и общаться, когда за ними никто не следит, практически каждый день.

Придя домой, София удивила своим решением обоих родителей. Ее внезапно появившееся желание научиться вязать нельзя было назвать слишком уж странным, потому что девочкой она была любознательной и могла, когда хотела, быстро достигать высоких результатов. Только вот ранее ее интересы никогда не касались прикладного искусства — на уроках труда дочь никогда не была в числе первых учеников. Этот аргумент она парировала тем, что ей понравилась новая преподавательница, которая была тихой, улыбчивой и, судя по стенам студии, завешенным рисунками всего на свете, вязанными объемными картинами и игрушками, увлеченной своим занятием дамой. Та тетеха, которая преподавала шитье и кулинарию в школе, вообще не была похожа на педагога, и ей бы, по совместному мнению Сони и Ники, больше подошла бы торговля носками на базаре. В школе не хватало ни материалов, ни инструментов; всем приходилось ждать своей очереди, скучая или записывая хаотичные сведения, которыми снабжала их учительница. Ответить родителям на это было нечего — Регина и сама обо всем этом прекрасно знала, оценивая профессиональные качества коллеги не сильно выше, чем сама София, только вслух их не комментировала. Девочка получила и разрешение, и первоначальный капитал — для занятий нужно было купить нитки, крючки и спицы, за которыми она, обрадованная удачно проведенными переговорами, в тот же вечер направилась в ближайший хозяйственный магазин.

Придя домой, Соня спрятала в ящике письменного стола ответ Ники — выбросить его как-то рука не поднималась, и написала вторую записку для подруги. Еще через день она получила поздравления и напоминание о том, что занятия по вязанию ничуть не являются обязательными, и вообще-то они задумывались как прикрытие: уходя на них, они могли гулять, или сидеть дома у Ники или делать что угодно, только не вязать. Софию немного огорчило такое отношение подруги. Ей было жаль преподавательницу студии, которая так приветливо их встретила, все рассказала и, как мало кто делал ранее, искренне хотела заинтересовать девочек новым хобби. Она упомянула и о том, что в студии всегда можно попить бесплатный чай — только вот сладости попросила принести их самих. В следующем письме Соня попыталась уговорить Нику дать новым занятиям хотя бы шанс.

В тот день, когда они должны были прийти на первое из них, София получила ответ: Ника рассказала, что хотела предложить вместо этого подняться на крышу того самого дома, в котором была студия. Она не раз из собственного окна наблюдала, как там болтались другие подростки, и оттого знала, что пробраться туда будет легко — очевидно, в доме не было ни консьержа, ни замков на дверях или люках, ведущих наверх. Соня была заинтригована. На крыше раньше она не была, перспектива посмотреть на город со здания в четырнадцать этажей показалась ей заманчивой. Но в качестве компромисса, она предложила сделать это после самих занятий — о том, сколько они длятся, София в разговоре с родителями умышленно умолчала, поэтому считала, что могла бы иногда задерживаться в студии или поблизости от нее, не вызывая особых подозрений. Ника была согласна, и девочки радостно встретились у дверей студии этим же вечером.

В отличие от подруги, Ника не посчитала нужным подготовиться к занятию, так что всем необходимым, включая сладкое для чаепития, ее снабдила Соня. Помимо них самих, на занятии были двое учениц, обе были уже взрослыми и приходили, по-видимому, не столько для того, чтобы научиться вязать или освоить новые узоры, сколько для того, чтобы отдохнуть от собственных волнений и мира в спокойном и местами даже уютном пространстве. Все время они шепотом, но мило, как старые подруги, перебрасывались репликами с преподавательницей, но давали ей возможность ввести новеньких девочек в курс дела, объяснить основные техники и время от времени поправлять их ошибки, стоя за плечами и указывая, как и что следует делать. Глобальную задачу она объяснила им следующим образом: она делала новую объем-

ную картину — натюрморт с букетом сирени. Для того, чтобы сделать ее, следовало навязать несколько десятков, если не сотен, одинаковых фиолетовых, сиреневых и белых цветочков, а также зеленых, светлых и темных, листочков. Она отметила, что картина придется весьма ко времени: весна наступает все более широко, и, если они втроем постараются, у них получится доделать все детали картины как раз к тому времени, когда зацветет настоящая сирень. Помимо этого, все элементы выполнялись самыми базовыми и простыми петлями, и это было отличным способом, повторив одно движение тысячи раз, довести их до идеала. Софии понравилась такая задумка — она с энтузиазмом принялась за работу. Недолго думая, к ней присоединилась и Ника. Да, изначально ей казалось, что вязание в качестве хобби не подходит ей ни в каком виде, но ее прельщала атмосфера занятий. Они могли болтать, пусть и совсем тихонько, обо всем на свете, но иногда, увлеченные медитативным процессом, просто сидели рядом, соревнуясь количеством и качеством цветочков и листочков. После занятия, время которого пролетело незаметно, обе они почувствовали удовлетворение, смешанное с облегчением. Их личные проблемы оказались на втором плане, чего раньше с ними никогда не происходило. Обменявшись впечатлениями, подруги попрощались, совершенно забыв, что они собирались сходить куда-то еще.

Выбраться на крышу у них получилось после следующего посещения студии. Был на удивление теплый вечер для начала апреля, ясное небо уже совсем по-весеннему раскрашивалось во все теплые тона красок закатным солнцем. По небу медленно плыли сизые редкие облака. На их фоне город, привычно шумный и суетливый снизу, представал в совсем ином свете и под таким углом, который София, живя на третьем этаже, никогда раньше не видела. Она радовалась приходу тепла, новому неожиданно открывшемуся для нее приятному занятию и скрытой от чужих глаз общности с подругой, которая день ото дня окутывала ее. Болтая, они переходили от одного края крыши к другому, наслаждаясь панорамой. София поняла, что обязана запечатлеть эти моменты, казавшиеся ей сказочными, неповторимыми. Она тут же озвучила предложение, неожиданно пришедшее ей в голову.

— Слушай, Ника! Давай так же выйдем в следующий раз, только я возьму с собой фотоаппарат. Снимки получатся умопомрачительные, вот увидишь!

Подруга с радостью приняла ее предложение, и, еще немного побродив по крыше и проводив солнце, они спустились вниз и разошлись по домам. К тому часу, когда София оказалась дома, и мама, и папа уже вернулись — обычно она приходила хотя бы немного раньше их обоих, и для всех было неожиданностью то, что девочка вернулась так поздно. Оба уже сидели за столом на кухне и начали ужинать, не дожидаясь, пока София переоденется и помоеет руки. Она села за стол и едва принялась за еду, как услышала ироничный отцовский вопрос:

— Что же такого интересного было на твоих занятиях, что ты чуть не пропустила ужин? — Он, как и мама, не догадывался о том, почему она задержалась.

Соня слегка растерялась, но,ковыряясь вилкой в гречке, которая была влажной от соседства с тушеными в соусе тефтелями, она начала рассказывать, не сильно привирая, как она сама, преподавательница и другие посетители студии болтали за работой над большой картиной и даже не заметили, как занятие подошло к концу. Ответ вполне удовлетворил родителей, остаток вечера, не оравленный подозрениями и домыслами, семья провела вместе перед телевизором — сегодня показывали фильм, который хотелось посмотреть им всем.

София и Ника нетерпеливо обсуждали в тайной переписке новую встречу в студии. Не столько занятия, сколько то, что следовало за ними, стало для подруг целым событием. К большому сожалению для них обеих, именно в этот день подвела погода — небо затянуло облаками, и начался дождь, почти не прекращавшийся целую неделю. Торчать на крыше в такую погоду у девочек не было никакого настроения, так что они честно ходили на уже казавшиеся им скучноватыми занятия и только на них. Лишь однажды они решили подняться повыше, но то

недолгое время, на которое им хватило терпения и смелости, из-за погоды пришлось провести на открытом общем балконе.

Во время вылазки с подругами произошла и другая неприятность. Они, сами не поняв, как, оказались между двух компаний парней крайне сомнительного вида. Дело было в том, что единственный подъезд дома, который так им приглянулся, был всегда открыт, чем привлекал не только их. Полы и стены лестничных клеток, также все балконы, лифты, да и крыша свидетельствовали о том, что здание посещали толпы посторонних, каждый из которых не мог не оставить после себя какой-то след. И хорошо, когда подобным следом являлось граффити, просто надпись или выброшенная упаковка. Запахи, наполнявшие все общие части дома, указывали, что его гости оставляли здесь далеко не только это.

Взявшиеся непонятно откуда группы молодых людей — когда Соня с Никой поднимались наверх, они никого не видели и не слышали — одни стояли на последнем этаже прямо перед выходом на крышу, а другие чуть ниже девочек на лестнице между этажами. И те, и другие передавали по кругу пластиковые полуторалитровые бутылки не то с пивом, не то с чем посерьезнее. Боясь быть замеченными, взволнованные девочки крадучись вышли с общего балкона обратно в подъезд к лифтам — хотя бы тут ничего не преграждало им путь — и быстро спустились вниз.

В этот день София, как и в тех случаях, когда они с Никой прощались сразу после вязания, пришла домой вовремя. То, что она больше не опаздывала, играло ей на руку, потому что так она до некоторой степени усыпила бдительность близких.

В тот день, когда дождь прекратился — именно тогда девочка, уже отчаявшись, оставила фотоаппарат дома. Съемку отложили еще на пару дней. Апрель уже близился к концу. Становилось все теплее. София пришла к выводу, что даже хорошо, что получилось именно так: окончательно оттаявший город начал расцветать, громоздкая верхняя одежда была больше не нужна. Все это означало, что кадры получатся гораздо лучше, чем если бы она сделала их в тот день, когда они договаривались первоначально.

На занятия по вязанию девочки ходили уже без удовольствия. Конкретно сейчас они намеревались просто переждать время — заката нужно было ждать ощутимо дольше, чем в прошлый раз, поэтому они не только провели в студии положенное время, но и на самом деле немного задержались, втянув преподавательницу в разговор.

Фотосессия прошла великолепно — Ника оказалась открытой и в уверенной в себе моделью. Соня почти не подсказывала ей, как встать, куда девать руки, как повернуть голову и какое выражение лица сделать для следующего кадра, и сама не отставала: камера крутилась во все стороны, она без устали экспериментировала с настройками и уже своими позами, меняя угол зрения со своей стороны фотографа. Она почти извела две полных пленки, оставила последний десяток кадров про запас, предложив Нике попробовать себя в роли фотографа. Небо было уже не таким красочным, как хотелось Софии, но она все равно хотела запечатлеть и себя. Напоследок она, покопавшись в настройках камеры, смогла сделать несколько автопортретов — самой себя и их обеих — на фоне последних лучшей уходящего солнца. Обе они знали, что этот весенний день останется в их памяти навсегда.

Домой Соня вернулась неприлично поздно даже по ее меркам. С огромным трудом она смогла оправдаться тем, что они с другими посетителями студии, работая над большой картиной с сиренью, так хотели закончить ее, что все решили без устали вязать до последнего. Оправдываясь подобным образом, она не сильно преувеличивала — за долгие часы занятий они с Никой действительно смогли заготовить бесчисленное множество мелких цветов и получили преподавательское обещание того, что к майским праздникам они вместе соединят детали в заверленную композицию. Очередная ложь сошла ей с рук.

Благодаря посещаемым ею до сих пор курсам фотографии, София прекрасно умела про-являть снимки. Этим она и занялась на ближайших выходных, воспользовавшись тем, что мама

ушла на открытую лекцию, которую организовал Константин, и ванная комната почти весь день была в Сонином распоряжении. Когда фото были готовы, она отложила наиболее удачные из них — и там, где была только Ника, и свои собственные, и парные — и разделила их почти ровно напополам. Свою часть фотографий София спрятала туда же, где хранились письма, которых к этому времени накопилось уже изрядно. Только один из снимков, наименее подозрительный, где был удачный портрет самой Сони, сделанный рукой подруги, и где при этом почти не было видно городской панорамы на фоне, она вставила в рамку и расположила на одной из полок в своей комнате. А вот фотографии, предназначенные для Ники, она поместила в самодельный конверт из цветной бумаги, который при первой возможности передала Леониду. Тот впервые за все время переписки друг удивился и попытался выяснить, что же такое большое скрывается в конверте. Соня отшутилась, но мягко дала понять, что это не его дело. Мальчик не настаивал. Он уже ничему не удивлялся, хотя роль в этой странной игре порой его смущала и заставляла задумываться о том, чтобы отказаться им помогать. Несмотря на это, когда он получил от Ники почти такой же толстый, хотя и без каких-либо украшений, конверт, передал его Софии без единого слова.

Никина бандероль сопровождалась запиской о том, что такие прекрасные снимки можно рассматривать только тогда, когда для этого есть подходящий фон. В конверте находилась кассета, точная копия той, которую она записала для подруги несколько недель назад — за это время Соня уже успела смириться с утратой, а переписка помогла ей и вовсе забыть об этом неприятном эпизоде. Обе подруги были рады своим подаркам и при следующей встрече на курсах долго благодарили одна другую.

Картина с сиренью была в самом деле завершена в течение двух занятий и водружена на стену в студии на одно из немногих сохранившихся пустых мест. Напоследок София, снова прихватившая фотоаппарат, сфотографировала их вполне удачно получившийся натюрморт, который вскоре был предъявлен родителям как доказательство того, что она, как и рассказывала ранее, не прогуливала вязание, чем окончательно успокоила и даже обрадовала их.

Следующей основной темой для обсуждения между Никой и Соней было то, что бы им еще сделать на занятиях по вязанию — удачное завершение их крупного и выматывающего проекта сильно воодушевило их, открыв второе дыхание. Они вновь заинтересовались непосредственно рукоделием, а не тем, что было вокруг него. Хотя преподавательница уговаривала их попробовать сделать какие-нибудь игрушки, ни одной из них это не нравилось — звучало это уныло, и куда они потом денут эти игрушки... Удачную идею на этот раз нащупала Соня. Она предложила Нике связать друг для друга свитера. Полосатые, в ромбик или с абстрактным узором, но только такие, какие нравятся им самим. Таких не будет больше ни у кого, и подобные вещи будут однозначно ценнее каких-то игрушек. Ника поддержала затею и предложила действовать так: каждая из них нарисует свитер мечты — в тех оттенках и с теми рисунками, которые им нравятся, а вторая постарается сделать свитер максимально приближенным к этому рисунку.

Преподавательнице эта идея тоже понравилась — в студии находились и станки для вязания, которые почти никогда не использовались, так что всем было интересно понять, что получится из их начинания. София нарисовала эскиз свитера свитер на пуговицах. Основной его цвет был сиреневый, а на плечах и верхней его части были широкие черные, белые и бирюзовые полосы, которые образовывали два треугольника, на спине и на груди. Свитер чем-то напоминал спортивные куртки — крой был свободным, но на рукавах и по подолу она нарисовала резинки, а ворот изобразила треугольным. Обменявшись рисунками с Никой, она оценила и ее идею. По форме ее изделие было как будто проще — обычный свитер с круглой горловиной и коричневыми, бежевыми и зелеными полосами разной ширины. Яркой деталью здесь стали узоры цветов, одиночных тюльпанов или каких-то других, сильно их напоминавших, совершенно одинаковых, с равными между ними промежутками.

— Очень интересно, — скромно оценила их идеи преподавательница. — Только вот давай немного упростим эти рисунки.

Она взяла рисунок у Сони и добавила рядом с ним более крупный вариант цветочного узора — он действительно был несколько упрощен, но по-прежнему легко считывался.

— Что скажешь?

— О, спасибо большое! Я надеюсь, что все получится.

— Обязательно. Главное — начать, — подбодрила она обеих девочек и взялась за второй эскиз свитера. — Прекрасно, тут получится целый кардиган. Только вот такие яркие оттенки вы не найдете ни в одном магазине. Тебе бы продумать еще один вариант расцветки на такой случай.

— Может быть, прямо в магазине и решим, что тебе еще подходит? — Спросила Ника, получив обратно рисунок.

— Давай попробуем.

Дома Софии предстояло получить немалую сумму для покупки пряжи. Родители никогда особо не ограничивали ее в вопросе финансов, зная, что она распоряжается ими здраво, часть откладывая, а часть тратя на мелкие прихоти. Крупные покупки, к которым относилась и предстоящая, без обсуждения она не совершала. Указывая на рисунок, она пояснила, что и в каком количестве ей нужно купить:

— Вот тут расчет, его преподавательница сделала. Выходит, нужно двенадцать мотков шерсти, но это с запасом, на всякий случай, — глядя в сосредоточенные лица родителей, которые пока не особенно понимали ни того, чем так взбудоражена Соня, ни дизайном, который она им демонстрировала. Она решила сгустить краски:

— Все вокруг совершенно одинаковые, разве вы не понимаете? Вот я сейчас выгляну в окно и насчитаю пятерых людей в одних и тех же куртках. А это будет что-то единственное, такое, что только я могу сделать для... — Она на секунду запнулась, поняв, что едва не проговорила. — Для себя.

Регина и Константин либо не заметили ее оплошности, либо не подали виду. Наконец, отец со вздохом оглядел дочь, пристально глядящую на него горящими глазами и чуть не подпрыгивавшую на месте с руками, прижатыми к груди, и сказал:

— Ладно, неси кошелек.

София вместо ответа обняла и расцеловала обоих родителей, после чего получила и спрятала нужную ей сумму.

Поход за пряжей оказался для подруг отдельным видом досуга. Встретившись на другой день у магазина, они провели у витрин почти час, оценивая оттенки пряжи, ее мягкость и толщину. Им обеим не хотелось, чтобы свитера кололись и были подходящими только для морозной погоды — они жаждали заполучить и начать носить свои свитера как можно быстрее, ведь близилось лето.

Цвет пряжи для Сониного свитера в самом деле пришлось изменить — в пряже одинакового вида не было либо сиреневого, либо бирюзового. Немного поработав со своим эскизом, София представила новый вариант: на этот раз, на розовом фоне были белая, желтая и серая полосы. Ника оценила результат скептически:

— Что-то не то получается, тебе не кажется? — Она осторожно глянула на реакцию подруги.

— Даже не знаю, хотя предыдущий вариант, был, конечно, лучше.

— А что, если мы попробуем сделать так? — Достав голубой карандаш, она начала раскрашивать серую полосу вторым слоем. — Мне кажется, совсем другое дело.

Свитер действительно выходил замечательным. Даже продавщица, не без интереса наблюдавшая за девочками, одобрительно качала головой. Соня провела пальцами по обнов-

ленному рисунку. Теперь его цветовая гамма напоминала ей, как и фото, о вечерах, проведенных на крыше, под бескрайним розово-желтым небом.

— Да, это то, что нужно, — шепотом одобрила она выбор подруги.

Когда девочки начали работать со свитерами, был уже май. Учебный год подходил к концу, с каждым днем воздух прогревался сильнее, а потому девочки торопились закончить вязание. Быстро усвоив принцип работы станка, они с удовольствием отмечали, как строчка за строчкой их шедевры воплощаются в реальности. Преподавательница направляла их обеих, исправляла ошибки, вроде пропущенных петель, избежать которых при их темпе было невозможно, и сама радовалась как ребенок, когда видела, как ладно идет процесс. За несколько дней до начала лета свитера были закончены, и, в очередной раз выйдя на крышу после занятий, девочки обменялись подарками и разошлись.

Свитер удивительно шел Соне. Он сочетался и с оттенком ее волос, и подчеркивал глаза, делая их еще более голубыми, чем они были на самом деле. Так посчитал и Константин, первый оценивший обновку, после и Регина сдержанно похвалила дочь за сложную, аккуратную а, главное, доведенную до конца работу. Отец в шутку несколько раз попросил ее покружиться, театрально восхищаясь, но не преминул заметить:

— Что-то мне кажется, что ты показывала нам совсем другой свитер? Форма и рисунки совсем не похожи...

— Мы еще раз обсудили с преподавательницей, как его делать, — быстро нашлась с ответом София. Последнее время ей было не привыкать на ходу выдумывать истории, подходящие для ее прикрытия. — А потом начали говорить про разные оттенки — что кому идет, кто что любит, и в итоге вместе подготовили новый вариант, вот и все.

— Ну что ж. Я рад, что тебе нравится.

Их разговор, как это часто бывало, вскоре коснулся темы школы. Соня напомнила отцу, что в отличие от его занятий в университете, школа уже заканчивается. Она написала почти все контрольные, получила большинство четвертных и годовых оценок и была полностью готова к летним каникулам. Планы семьи Новак были почти такими же, как и в любой другой год — первую половину лета, когда Константин был занят на экзаменах и защитах дипломов, а Регина заканчивала бумажную работу в школе, они проводили дома. А вот с середины июля всех их ждал настоящий отпуск — на даче и на море, по которому все они соскучились за прошедший год.

## Глава 4

Ника и София, в отличие от всех школьников мира, ждали каникулы не только из-за того, что на время прервутся все занятия, а еще и потому, что теперь они смогут проводить гораздо больше времени вместе. Родители Сони уходили на работу хоть и в разное время в зависимости от начала занятий, но все-таки каждое утро, так что в большинстве случаев у нее не было необходимости отпрашиваться. Уйти можно было незамеченной, вернуться тоже до прихода мамы или папы.

Омрачило начало лета событие, которое навсегда отвадило подруг от посещения крыши над студией творчества. В очередной раз, нагулявшись на крыше утром, еще до наступления жары, они спускались вниз в единственном лифте, который был в подъезде. Сплюшь обклеенный наклейками, с разнообразными надписями на них и под ними ними и бородавками использованных жвачек во всех углублениях, за которыми было почти не разглядеть его родную пленочную отделку цвета вишни, древний и многострадальный, он со скрежетом и покачиваниями остановился гораздо раньше, чем ожидали Соня и Ника. Двери, такие же уставшие, как и вся конструкция, дергано и резко разошлись в стороны, и за ними девочки увидели молодого мужчину, перегородившего узкий выход. Пустым взглядом он всматривался куда-то вдаль, его помятый вид, растрепанные волосы, шапка набекрень и, самое главное, запах, уже заполнивший лестничную клетку — все говорило само за себя. Первые несколько секунд, не издавая ни звука, напуганные девочки оценивали обстановку. Никто не двигался. Неожиданно Ника сделала рывок вперед, толкнув мужчину в сторону. Тот завалился на бок, облокотившись на дверь лифта, и в единственную доступную для побега секунду Ника схватила Софию за руку, вытянув ее из лифта, а мужчина, который даже не успел понять, что произошло, раскачиваясь и ударяясь о стенки, зашел туда, где только что были они сами. Пялясь в угол, он стоял спиной к девочкам и даже не пытался выбрать нужный ему этаж. Двери закрылись, и хотя лифт с пьяным телом так никуда и не уехал, у них была возможность отдышаться и сообразить, что им делать.

— Надо идти на лестницу, пройдем пешком, — предложила Ника и направилась к общим балконам. Деревянная дверь, ведущая с площадки, оказалась, однако, запертой. Только теперь девочки поняли, что этот этаж выглядит иначе, чем многие другие, а, возможно, и все в этом доме: розовые стены, на которых была единственная надпись — цифра «6», обозначающая номер этажа, были совершенно чистыми. Здесь не было ни отметок маркерами, ни опаленных зажигалкой участков стен и потолка, ни граффити. Этаж был точно такой же, как и в любом подъезде любого обычного дома и, очевидно, способствовало этому именно то, что общий выход на лестницу никогда не открывался.

София поняла, что они оказались в ловушке: единственный выход был перекрыт, и нужно было каким-то образом сделать так, чтобы явно опасный мужчина отправился хотя бы на другой этаж. Она рассказала Нике свою идею:

— Сейчас ты вызовешь лифт, я быстро нажму кнопку первого этажа. Может быть, он уедет и как-то выйдет, и тогда мы снова вызовем лифт и тоже сможем спуститься.

Подруга кивком одобрила план, и они тут же приступили к его выполнению. Когда двери лифта открылись, Соня, снова мельком оглядев стоящего уже лицом к выходу мужчину и осознавая, что права на ошибку у нее нет, попыталась нажать подплавленную, и без того плохо вдавливающуюся кнопку первого этажа — та не поддавалась. Туловище, тем временем, наклонилось вперед и вывалилось из лифта. Двери захлопнулись, раздался звук уходящего вниз механизма. Так и не поняв, что случилось, неверным медленным шагом мужчина двинулся в сторону Софии и Ники, зажимая их в углу. Бежать было некуда.

— Пр-т... девочки? — На них он даже не смотрел, только продолжал приближаться, приоткрыв мясистый рот. — Как дел...

Внезапно осознав, что ничего другого им не остается, Ника воспользовалась последней возможностью избежать прямого столкновения. Как могла грозно и громко она вскрикнула:

— Отстань! Уходи!

Вновь оттолкнув едва не упавшего мужчину, она бросилась к лифту и начала яростно нажимать на кнопку лифта в попытке вызвать его снова. Обернувшись к подругам, их преследователь подошел к ним уже быстрее и резче:

— Чт... вы...

— Помогите! — Крикнула Соня, окончательно отчаявшись и, о чудо, одна из дверей, ведущих к квартирам, начала открываться. Из открывшейся щели высунулось лицо молодой женщины, окутанное теплым светом общего коридора, ведущего в ее квартиру.

— Быстрее сюда, — за секунду оценив обстановку, она открыла дверь так, чтобы Ника с Соней могли зайти к ней. После она смело вышла на площадку и закрыла дверь. Снаружи раздавался ее приглушенный угрожающий голос — она явно прогоняла мужчину.

Девочки, тяжело дыша, посмотрели сперва друг на друга, а после через распахнутую дверь оглядели квартиру, из которой вышла их спасительница. Представший перед ними вид был совершенно обыкновенный: чистый, хотя несколько захламленный коридор, светлые обои, полуоткрытые двери, ведущие в комнаты. Из одного из дверных проемов подруг любопытно оглядывал мальчик, которому на вид было года два. Не так им представлялось жилище обитателей этого дома, ведь они давно поставили в уме знак равенства между его жильцами и гостями. Женщина почти тут же вернулась. Девочки осмотрели и ее: стройная, в пушистом халате розового цвета, сырые волосы — очевидно, она совсем недавно вышла из душа. Им не хотелось и думать о том, что было бы, реши она помыться хотя бы на несколько минут позже.

— Что вы там делали? — Спросила она строго, прекрасно понимая, чем обычно занимаются подростки в ее доме.

— Мы были у подруги, — Тут же нашлась с ответом Соня. — Уже уходили домой, спустились, и лифт остановился тут. Двери открылись, а за ними...

— Понятно, — ответ совместно с внешним видом и поведением девочек, видимо, удовлетворил ее. — Подождите, сейчас я позову мужа, и он вас проводит.

Она направилась в комнату и в двух словах рассказала находящемуся там супругу о том, что сейчас произошло. Спустя пару минут он вышел, одетый в домашние шорты и футболку, не без доли досады из-за потревоженного покоя быстро обулся и повел девочек наружу — пьяного мужчины на площадке, скорее всего, уже не было, но провожатый повел их к выходу на лестницу.

— Спасибо вам огромное! — Наперебой начали говорить девочки, сердца которых до сих пор не отпустила паника. Кто бы знал, что случилось, если бы к ним на помощь не пришла эта семья.

— Да-да... — Мужчина явно хотел побыстрее разобраться с неожиданной для него проблемой. Он открыл дверь на лестницу ключом из своей связки, и все втроем быстро спустились вниз.

Только оказавшись на улице, София и Ника окончательно выровняли дыхание. Всю остальную прогулку они с содроганием вспоминали произошедшее и решили, что по крайней мере в ближайшее время больше они в этот дом не вернутся.

Лето продолжалось, жизнь вокруг шумела мощным потоком, и постепенно будни девочек наполнили новые дела — прогулки и спортивные игры в парках, походы по магазинам, где они в основном рассматривали витрины. Видеться каждый день они не могли: то у Ники, то у самой Сони возникали домашние и прочие дела, требовавшие их участия. В плавно текущий первый

месяц каникул ворвалось только одно важное событие — день рождения Ники, которой в этом году исполнялось шестнадцать лет.

По ее словам, зацепившим и огорчившим Софию, хотя та и не говорила ничего по этому поводу, она давно его не отмечала. Делать это было, как ей казалось, незачем и не с кем. Даже ее мама не всегда была дома в этот день, что уж и говорить об одноклассниках и прочих знакомых, большинство из которых к этому времени разъезжались из города.

Для Сони это было непривычно и неожиданно. Раньше она никогда не задумывалась над тем, что такое бывает: она сама, ее родители, знакомые и друзья — все праздновали дни рождения и, самое неприятное, могли отложить праздник из-за болезни или поездки. Но чтобы так... София решила попытаться изменить отношение Ники к празднику, для чего разработала многоэтапный план. Сперва ей нужно было заполучить одобрение и поддержку ее затеи от мамы Ники.

Подруга не любила о ней рассказывать, но постепенно Соня смогла по крупицам собрать сведения о личности женщины. Ее звали Лариса, она работала стюардессой. Именно этим объяснялось то, что Ника постоянно находилась дома одна, и что было непросто предусмотреть, когда и надолго ли ее мама вернется домой. Хотя такая тема вовсе не затрагивалась в разговорах подруг, София догадалась, что Ника не знает своего отца при том, что, по-видимому, внешне она была похожа именно на него — в этом контексте особенно сильно привлекали к себе внимание глаза и волосы девочки. Лариса казалась Соне понимающей и любящей матерью. Она часто слышала от Ники, как они проводят вместе то небольшое время, которое матери удавалось выкраивать между длительными изнурительными сменами на работе и попытками отоспаться после них. В остальном им приходилось довольствоваться ежедневными или почти ежедневными телефонными разговорами, количество и продолжительность которых сильно зависело от расписания рейсов и часовых поясов, а оплата счетов по ним проедала немалую дыру в семейном бюджете.

Лариса и во время звонков, и при личных встречах подробно расспрашивала Нику о школе, ее друзьях, достижениях и проблемах — с последними, когда хватало времени, она активно помогала ей справляться, то приходя в школу, то поддерживая ее дома, радуя разными мелочами. Из каждого полета, причем неважно, был ли он внутри страны или за границу, Лариса привозила что-то для Ники. Когда-то большую часть таких подарков составляли игрушки и сладости, но последние несколько лет чаще всего она получала в качестве подарка что-то из одежды, аксессуаров или косметики — ни одной вещи, которая была у девочки, нельзя было найти в магазинах города. Хотя Ника никогда не призналась бы в этом вслух, и в детстве, и сейчас, и вообще больше всего на свете она любила ходить с мамой в кино и кафе. К большому огорчению обеих, они могли это делать не чаще одного раза в несколько месяцев, только в периоды отпусков, хоть и длительных, но хаотичных и наполненных бытовыми заботами, которым Лариса не могла уделить ни часа в иные дни, даже если была дома — из-за джетлага ей нужно было много часов, а иногда несколько дней отсыпаться, возвращаясь в домашний режим дня.

В этом году, чего не происходило уже давно, отпуск Ларисы попадал ровно на день рождения дочери — Ника только однажды вскользь упомянула об этом, но Соня все запомнила, и ее план созрел именно тогда. Как считала именинница, это произошло только благодаря счастливому стечению обстоятельств. София, когда речь заходила о предстоящем событии, напротив, безуспешно пыталась убедить подругу в том, что ее мама целенаправленно, грамотно и сильно заранее взяла отпуск — ведь ее единственной дочери исполняется шестнадцать лет. Соня вообще с особым трепетом относилась к этому возрасту. Ей казалось, что именно в это время и начинается настоящая взрослая жизнь, и что так думают все люди вокруг, и оттого была искренне убеждена, что мама подруги подстроила все таким особенным образом.

Праздник вписывался в отпуск настолько хорошо, что Лариса успеет и отдохнуть — сразу по прилете, до мероприятия — и на неотложные дела время тоже останется. Узнав дату начала отпуска Никиной мамы, Соня, вежливо выждав положенное ей время отдыха, связалась с ней по телефону. Девочка знала, что полностью скрыть планы от подруги не получится, но она все же хотела устроить все таким образом, чтобы день рождения был наполнен приятными неожиданностями, и не рассказывала о своей затее. В первый раз ей не повезло — трубку взяла сама Ника, и пришлось некоторое время молчать, слушая раздраженные повторяющиеся «Алло» подруги, пока та не повесила трубку. Звонок пришлось повторить на следующий день, и со второй попытки все удалось. Соня услышала незнакомый низкий, но бархатистый и приятный женский голос:

— Алло.

— Добрый день, Лариса! Это София, подруга Ники. Не говорите ей, что я звоню, пожалуйста.

— Ну привет. Хорошо, не буду, а что ты хотела?

— Я знаю, что у Ники день рождения 18 июня. Мне бы хотелось предложить вам присоединиться к подготовке праздника. Я бы хотела сделать что-то особенное для нее, но пока не знаю, что.

— О, это прекрасная идея. Буду рада помочь тебе и взять на себя приготовление праздничных блюд, — судя по шуму в трубке, Лариса как могла прикрывалась, чтобы ее разговор не привлек внимание дочери.

— Да, я как раз не очень-то хотела готовить. Но могу принести что-нибудь — может быть, я могла бы выбрать торт?

— Доверю этот вопрос тебе. Ты что-то еще хотела?

— Вы знаете, — замялась Соня, потому что знала о сложностях, связанных с этим вопросом. — Я пока не решила, какой могла бы выбрать подарок для Ники. Может быть...

— Даже не продолжай. Я знаю, почему у тебя сложности.

Дело было в том, что мама заваливала Нику подарками по поводу и без. У той всегда имелось все, что было нужно, и чего лишь иногда хотелось, и даже больше. Всегда, когда София поднимала эту тему, подруга отшучивалась, отмахивалась или меняла тему, сводя все к тому, что ей уже некуда класть новые вещи.

Услышав такой ответ Ларисы, Соня почувствовала, как между ними возникло молчаливое понимание — ниточка согласия, соединяющая их и символизирующая тот факт, что обе они на одной стороне. После недолгой паузы мама Ники продолжила:

— Я уверена, что сам факт того, что мы сейчас говорим с тобой, будет значить для нее намного больше, чем любая материальная вещь в этом мире — можешь мне поверить.

— Я еще немного подумаю и точно что-то сделаю! — Воодушевленно добавила Соня, мысли которой уже были нацелены в нужном направлении. — А чтобы и сам праздник был сюрпризом, мы могли бы уйти погулять на какое-то время. В парк, например, или... на аттракционы! Но что делать с тортом... Я не смогу оставить его дома или подарить прямо с утра, иначе никакого сюрприза не получится...

— Предлагаю сделать так, — Лариса, казалось, и сама была любительницей придумать и воплотить что-то, с целью удивить и порадовать близких. В этот момент она была в глазах Сони не взрослой женщиной, которая тяжело трудится на серьезной работе, а ровесницей ее и Ники. — Помнишь, где стоят цветочные горшки в подъезде у нас на этаже? Когда придешь, спрячь его туда, а я его заберу, когда вы уйдете.

— Да, знаю — я все поняла и сделаю, что следует.

В таком случае буду считать, что мы договорились, — в голосе Ларисы тоже был слышен энтузиазм и уверенность, которые она подхватила от девочки.

Обсудив напоследок время праздника, к которому подругам следовало вернуться обратно, София попрощалась с Ларисой. Она еще долго приходила в себя от приятного возбуждения, которое почувствовала во время их разговора.

В рамках второй части плана Соне предстояло попросить у родителей разрешения не только посетить праздник, но и вернуться с него позже, чем обычно. С Константином никаких проблем не предвиделось, а вот мама наверняка задаст миллион вопросов — к кому она собирается, кто придет еще, будут ли взрослые... О ночевке и речи быть не могло.

В итоге разговор с ней прошел именно так, как и предполагала Соня. Пришлось соврать, что она идет к Леониду, что там будет вся его семья и еще несколько учеников из их параллели. Такая перспектива удовлетворила Регину, и, удостоверившись, что София вернется домой не позже десяти вечера, она дала свое разрешение.

Третья и последняя часть плана, охватывающая подготовку всего нужного для непосредственно поздравления, была самой легкой. Соня намеревалась сделать открытку для подруги, но не на бумаге, а прямо перед ее домом — в виде рисунка на асфальте, такого, чтобы она могла увидеть его прямо из окна. Оставалось лишь надеяться, что ей повезет с погодой, но на всякий случай она продумала и вторую часть подарка — воздушные шары, которые либо дополнят, либо заменят открытку. Мелки для рисунка она купила в тот же день, заодно присмотрела ближайшее к Никиной квартире место, где она могла бы выбрать шарики в день праздника, и уточнила, будет ли работать любимая кондитерская ее семьи — хотя выбор тортов там был не самым обширным, каждый из них был свежайшим и красиво украшенным.

Утро 18 июня прошло именно так, как предполагала Соня — лучше и быть не могло. День был ясным, но за полтора часа до времени, о котором она договорилась с Ларисой, было еще достаточно прохладно для того, чтобы Соня смогла сделать рисунок и не вымокнуть при этом от пота. Времени хватило впритык. Чтобы не опоздать к назначенному времени, за шариками и тортом ей пришлось практически бежать. Выбрав в кондитерской «Полет», а из доступных в магазине шаров желтые и зеленые — любимые цвета подруги — София отправилась обратно.

Опоздав всего на пару минут и припрятав торт, Соня постучала в дверь. От восторга ее и так практически трясло, но увидев лицо Ники, до сих пор ничего не подозревающей, она была готова вовсе прыгать до потолка. Быстро проговорив поздравление и пожелания, она отвела подругу к окну и показала картину, над которой старалась все утро. Получив приличествую случаю порцию благодарностей от Ники и ее мамы, девочки засобирались на аттракционы. В течение дня они покатались дважды на каждом из них, и вот, наконец, настало время ужина. Продолжая сохранять атмосферу тайны, Соня как бы нечаянно предложила проводить Нику до квартиры, где их уже поджидала Лариса.

Стол, накрытый на кухне, был скромным, но все было удивительно вкусно: столичный и витаминный салаты, картофельное пюре и запеченная курица. София и не подозревала, что такая занятая женщина, как мама Ники, может так готовить. Вроде никакой экзотики, но попробовав единожды любое из блюд, отказаться от добавки уже не выходило. Среди закусок были помидоры с сырными шапочками — оказалось, что это любимое блюдо Ники — и бутерброды со шпротами и соленым огурцом, которые, в свою очередь, предпочитала Соня. Гвоздь программы, однако, оставался за кулисами — чаепитие с тортом должно было начаться после заката, когда на улице стемнеет — а в качестве напитков Лариса предложила девочкам купленные накануне соки:

— Апельсин, яблоко или томат? — Уточнила она перед тем, как вытащить их из холодильника. Эту шутку девочки потом не единожды вспоминали.

София, Ника и Лариса общались втроем как старые подруги. Лариса могла поддержать любую тему, с удовольствием обсудила нюансы всех самых удачных, по мнению девочек, статей, над которыми они в течение полугода работали в журналистском кружке. Соня без стеснения рассказывала о своих родителях, и в один момент почувствовала себя настолько смелой

из-за ощущения, что ее примут именно такой, какой она есть, рассказала даже о недавнем случае в подъезде дома со студией. Лариса действительно не осуждала девочек — по ее мнению, виноватым в случившемся был только один человек. Однако ей, как взрослой, все же пришлось взять с них обещание о том, что больше они ни на крышу, ни в этот подъезд даже ногой не ступят. И Соня, которая последнее время только и делала, что нарушала обещания, выкручивалась и оправдывалась, впервые за долгое время искренне пообещала соблюдать запрет. Ника же, в свою очередь, весь вечер была в эйфории, наслаждаясь каждой минутой застолья.

Наконец, настало время торта. Подмигнув Соне, отчего та окончательно растаяла, Лариса извинилась и вышла из комнаты. Через некоторое время свет погас и в комнате засиял огонь свечей. Ника, увидев торт, оглядывала то приближающуюся с ним маму, то подругу. На секунду ее глаза наполнились слезами, и она, слегка запрокинув голову, пыталась загнать их, непрошенных обратно, а после как бы от усталости протерла глаза. Этот жест тронул Соню до глубины души, но она, не желая смущать Нику, сделала вид, что ничего не замечает.

Пришло время задувать свечи. София не знала, какое желание загадывает Ника, но сама она за компанию изо всех сил подумала о том, чтобы этот день не заканчивался как можно дольше. Настало время чаепития — еды на столе оставалось немало, но желудки были переполнены, и потому все только прихлебывали чай, откинувшись на спинки стульев. Темы для разговоров сыпались, как из рога изобилия, собеседницы шутили и смеялись собственным шуткам во весь голос.

Веселье было прервано отдаленными хлопками, раздававшимися со стороны окна. Все обернулись на шум и увидели, что небо озаряется цветными вспышками — это был салют, показавшийся всем самым подходящим завершением этого дня. Втроем обернулись к балкону и, раздвинув занавески, наслаждались пятиминутным шоу.

Внезапно зазвонил телефон. Лариса насторожилась — кто бы мог беспокоить их так поздно? — и пошла снять трубку. И тут неожиданно Соня сообразила, в чем дело, сперва побелев, потом покраснев.

— Что случилось? — Встревоженным шепотом спросила Ника.

— Сколько времени? — Она начала шарить взглядом по стенам, чтобы найти часы. Как и на многих других кухнях, они висела над входом, и их стрелки показывали 23:08.

В этот момент тревогу уловила и именинница, Лариса же все не возвращалась, не было слышно ничего, кроме отрывочных коротких реплик.

— Да... Да... С ней все в порядке. Я была. Что ж, немного засиделись... Нет, ничего. Всего доброго. — Лариса в два шага вернулась в кухню и, стараясь сохранять спокойный внешний вид, обратилась к Софии. — Звонила твоя мама. Тебе надо собираться домой. Мы тебя проводим, правда, Ника?

— Само собой! — Откликнулась дочь. Девочки поднялись из-за стола, и они все вместе направились в коридор. Быстро обувшись, Ника надела «их» свитер, Соня также достала из сумки взятый на всякий случай «их» кардиган. Хотя день был солнечным и теплым, к этому часу воздух уже остыл.

— Она кричала, да? — Спросила со стыдом и опаской в голосе София. — Все не должно было кончиться так, я...

Лариса жестом остановила едва начавшийся поток оправданий, сохраняя спокойный, невозмутимый вид — было явно ее профессиональной привычкой.

— Давай оставим эту тему. Я понимаю, что ты чувствуешь, но нам надо торопиться.

Все вышли из квартиры. Ника нащупала руку подруги, и они сцепили пальцы. Закрыв дверь, Лариса продолжила:

— Зря ты, конечно, соврала маме.

— Иначе она бы не разрешила мне прийти, — пряча глаза от спутниц, объяснила Соня.

— И все же. Возможно, если бы ты не таилась, она бы рано или поздно смирилась. И она смогла бы поближе познакомиться с Никой.

— Да, наверное... — Софии не хотелось продолжать этот разговор. Отчасти она была согласна с Ларисой, но та просто не понимала, что ее мама — совсем другая, не как она. За один вечер она смогла рассказать практически незнакомой женщине о многих вещах, о которых в ее семье никто не догадывался — с недавних пор, это касалось и ее папы.

Через полчаса компания подошла к Сониному дому. Обняв подругу, а после и ее маму, она поблагодарила их за прекрасный день и вечер. Снова поздравив Нику с шестнадцатилетием, она направилась вверх по лестнице с таким видом, будто бы конечная точка ее подъема была эшафотом. Входная дверь не была заперта, за ней горел свет, и в коридоре ее ждали уже совсем по-домашнему одетые родители. Из всех сил сдерживаясь, но все же дрожащим голосом, Регина встретила дочь речью, крутившейся в ее голове последние полчаса. София стояла, слушая ее, столбом, не смея двинуться. Примерно так же выглядел и Константин.

— Как посидели? Видимо, хорошо, раз ты совсем забыла о времени? — Голос матери становился все более крепким и неудержимым, а Соня окончательно сникла, даже не пытаясь прервать ее. — Ты хоть понимаешь, что я передумала, когда звонила родителям Лени? Они сказали, что у них не было и нет никакого праздника, а у него вообще зимой день рождения! Представляешь, что я почувствовала? Как ты посмела сделать из меня дуру?

— Рина, остановись хоть на минуту, — скромно попытался вмешаться отец. — Иначе тебе плохо станет. Продолжишь завтра.

— О нет, погоди. Дело же не только в этом. Ты считала себя самой умной все это время? — Голос Регины, как и в тот раз, сорвался на крик. — Как было весело, наверное, обманывать мать, правда? Бессовестная! Ты меня опозорила. Хорошо, что я догадалась позвонить этим... Хоть не пили, и на том спасибо, а то знаю я таких. Какая дочь, такая и мамаша.

Сердце Сони наполнилось обидой и горечью — не за себя, а за Нику и ее маму. Как и тогда, весной, виновата в случившемся была только она сама. Девочка не пыталась раздумывать над словами матери, но каждое из них, даже не пропущенное через разум, больно ранило, хотя головой она и понимала, что все это если не ложь, то недоразумение. Регина ненадолго прервалась, восстановив дыхание, и продолжила тише, четко разделяя и проговаривая каждое отдельное слово приговора, над которым она раздумывала, по всей видимости, весь вечер.

— Теперь слушай, что будет дальше. Во-первых, до того времени, как мы соберемся на дачу, из дома ты не выйдешь. Сейчас же отдай мне ключи, — она протянула руку, и София, пошарив в сумке, вложила в нее свою связку. — И во-вторых, ни на какое море ты в этом году не поедешь. Когда придет время, мы поедем на дачу, там ты останешься еще и в августе. А мы с папой уедем.

В этот момент Софии только того и хотелось, чтобы остаться в одиночестве, поэтому очерченная перспектива огорчила ее не так, как на то рассчитывала Регина. Она кивнула, сдерживая из последних сил потоки слез, и сделала шаг по направлению к комнате, проверяя, окончен ли разговор. Матери действительно как будто нечего было больше сказать — она направилась на кухню и поставила на плиту чайник, а Соня в ту же секунду заперлась в комнате, откуда не выходила уже до утра.

Следующие несколько недель, остававшихся до отъезда семьи Новак на дачу, состояли из практически одинаковых дней, напоминавших будни. Начало этого периода для Сони обошлось звонком Нике — она объяснила, что наказана и заперта дома, и какое-то время не сможет ни сама выйти, ни устроить так, чтобы к ней пришла подруга, которая, едва услышав о запрете на прогулки, вызвалась разделить ее заключение. София, в свою очередь, предположила, что Нике стоит, пользуясь моментом, проводить как можно больше времени с матерью, ведь теперь ей не придется разрываться между ними обеими. Сама она будет рада всего лишь

звонкам и ни в коем случае не останется в обиде, ведь она легко переносила одиночество, без особых сложностей находя себе занятия.

Немного позже она помирилась и с родителями — в основном мамой, но и отец тоже присутствовал при их разговоре. Соня признала вину и рассказала о том, что они иногда виделись, причем по большей части в школе — то есть снова полуправду. Регина либо поверила, либо сделала вид, что поверила, а вот выражение лица Константина, который пристально оглядывал дочь, не говоря ничего сверх необходимого, посерьезнело. Спустя еще некоторое время она получила послабление в связи со своим наказанием — она начала выходить из дома с кем-то из родителей. Обычно они ходили так по магазинам, но пару раз выбрались и в парк, и в кино, и даже загород к друзьям отца по случаю дня рождения одного из них. Неожиданно для Софии, этот период положительно сказался на ее общении с родителями. Последние полгода, которые как никогда были насыщены для нее событиями, она не имела ни возможности, ни желания вести с ними долгие и душевные разговоры — общение почти всегда ограничивалось перебрасыванием рядовыми репликами или решениями простых бытовых вопросов. Постепенно Соня осмелела и, воспользовавшись советом Ларисы, подумать о котором времени у нее было более чем достаточно, рассказала о Нике и ее маме. Она не была уверена, помогло ли это радикально переменить мнение Регины об этой семье, но, к счастью, в последние дни перед отъездом на дачу мама разрешила ей пару раз ненадолго выйти погулять с подругой. София решила, что та, наконец, поняла, что запреты, к которым она прибегала, не работают. На деле же Регина имела и альтернативную мотивацию — в следующем учебном году и дочери, и подруге предстоит сдавать экзамены. Соне — пока промежуточные, а вот для Ники настанет время поступать или в университет, или в училище, или куда угодно. На своем опыте, наблюдая за сотнями подростков, она знала, что мало кто из них в такой ситуации сохраняет возможность общаться, и в итоге каждый идет своей дорогой.

Июль был уже в разгаре, когда настало время выезжать на дачу. Семья Новак ежегодно уезжала туда на самый жаркий период лета, когда в городе от зноя, многократно отражаемого стенами домов и накапливаемого в асфальте, все вокруг, включая людей, едва не плавилось. Поселок же, в котором находился их одноэтажный, основательный дом с двумя комнатами и кухней, обшитый горизонтальными деревянными планками, вполне типичный для любой другой дачи в округе, стоял в сосновом бору — кроны его вековых деревьев укрывали дома и улицы таким плотным покрывалом, что на участке было прохладно и в июльский полдень.

В этой поездке традиционным можно было считать все — начиная от даты выезда и отъезда, которая из года в год менялась лишь незначительно благодаря характеру работы старших членов семьи, и заканчивая внушительным списком дел, которые предстояло переделать за строго ограниченный период. Среди таковых был уход за цветами, ягодными кустами, малиной и смородиной, плодовыми деревьями — парой яблонь, одной грушей и совсем недавно неожиданно заплодоносившей дикой сливой, которая выросла на участке сама собой. Также при необходимости в доме производился мелкий ремонт, а при желании — накрывались обеды и ужины с простыми блюдами под открытым небом.

Интерес к садовым делам проявляла в основном Регина — только здесь она преображалась из дамы в футляре с ее вечной юбкой прямого кроя ниже колен и воротничком-стойкой в любительницу садоводства в яркой футболке, бриджах и соломенной шляпе. Она не одевалась так даже на море, отдавая предпочтение юбкам формы карандаш. Дача была тем местом, где она особенно хорошо себя чувствовала, потому что еще до того, как она вышла замуж, этот дом принадлежал ее семье. Сейчас, правда, ее родители постоянно жили в городе, куда перебрались, когда жизнь в доме со всеми его заботами стала им не по силам, но именно поэтому она считала себя ответственной за поддержание участка в приличном виде.

В этом стремлении она была не одинока: большую часть года, когда и Константин с Региной практически не могли приезжать на дачу, за хозяйством приглядывала баба Надя — их

трудолюбивая соседка неопределенного, но весьма почтенного возраста. Начиная с середины весны, когда сходил снег, и заканчивая в октябре, когда большая часть дел заканчивались сами собой, она брала на себя заботы о многочисленных растениях на обоих участках. Взамен ей предоставлялась возможность сажать на незанятых пространствах все культуры, которые были ей нужны — в основном, это была зелень и картошка, которой баба Надя, видимо, снабжала не только свою семью, но и всех их соседей, хотя она с удовольствием ухаживала и за сиренью весной, и за тыквой осенью. Способствовало этой договоренности и то, что она круглогодично жила в поселке в своем крошечном домике, неизвестно как отапливаемом и снабжаемом водой и в самое холодное время года, и немалой денежной суммой, которой Константин одаривал ее из года в год.

Это позволяло Новакам относиться к даче и работе там как к тому, что вносило в их жизнь приятное разнообразие, но не перегружало — после того, как они не менее традиционно отбывали на несколько недель к морю, что происходило уже в августе, им оставалось только несколько раз заехать в дом, потратив на это пару-тройку выходных в сентябре. Делали они это для самостоятельного сбора одной половины урожая и получении на условно безвозмездной основе второй его половины, причем в основном в виде консервов, у бабы Нади — результат устраивал всех.

Традиционным был и сам путь до дачи. Из года в год, сколько себя помнила София, за пару дней до отъезда все собирали вещи, в том числе те, которые они позже возьмут для второй части отпуска на море, чтобы лишний раз не заезжать в квартиру. Они закупали или выгребали из закромов некоторые продукты, которые было не так легко раздобыть за пределами города, вроде чая, кофе и сладостей, книги — старые и отслужившие свое или те, что будучи только недавно приобретенными, ждали прочтения. В день их члены семьи Новак просыпались засветло, на скорую руку завтракали, оставляли ключи соседке тете Лизе, чтобы та заходила поливать цветы, и загружали в машину сумки и коробки, занимавшие все доступное место от пола и до потолка. Из-за этого всю дорогу, пусть и недолгую — не более трех часов, если им не посчастливилось влипнуть в пробку — двигаться было решительно невозможно. Это неудобство, однако, было не просто легко выносимым, но и таким же долгожданным, как и вся поездка в целом — даже Соня всегда ждала это время с трепетом, хотя на этот раз и сожалела, что придется надолго прервать встречи с Никой.

А вот нетипичным свойством поездки этого года стало именно то, чем во время последней ссоры грозила Регина — вместо моря София должна была остаться на даче. Как бы Константин не упрашивал супругу уступить и оставить, наконец, всю ситуацию в прошлом, та отказываться от своей идеи не собиралась. Наказание было неотвратимо и все приближалось. Помимо этого, сразу по приезде и обмена любезностями с бабой Надей, Регина многократно ужесточила его:

— Надежда Петровна! А мы вам помощницу привезли. София наша совсем выросла, и ей пора бы попробовать свои силы в работе на земле. Вы зовите ее, когда что-то нужно — прополоть, собрать, подкрасить. Заодно расскажете ей, как что устроено. Мы ее сперва поподгоняем, но в этом году мы с Костей уедем, а она вот решила остаться, а чтобы не скучать, продолжить под вашим присмотром свою трудовую практику.

— Ой, Ринка, да я сама всегда справлялась, — с улыбкой отмахнулась добродушная соседка, догадывавшаяся, поглядывая на Софию, что та далеко не в восторге от такой перспективы. — Сколько лет уже тут. Дольше объяснять буду.

— Прошу прощения, но я настаиваю. Вам еще в прошлом году не помешали бы помощники — припоминаю, что вы почти неделю с больной спиной лежали, после того как самостоятельно яблоки в прошлом году собирали. Да и у вас такой опыт, как же можно жизнь прожить и ни с кем им не поделиться?

Польщенная баба Надя, которой и в правду с каждым годом становилось тяжелее делать все больше видов работ, еще немного помялась, скорее для вида, но в итоге согласилась принять Соню на свое попечение. Девочка же, в свою очередь, почти сразу смирилась со своим положением — кто, кроме нее, был виноват в том, что так произошло? Она спокойно относилась к труду самому по себе — она давно начала, пусть не очень регулярно и усердно, делать некоторые дела по дому, причем практически без просьб со стороны родителей и ожидания награды. Помимо прочего, и возмущаться было ни к чему. София знала, что мама, единожды приняв решение, будет неумолима, а снова скандалить ей совершенно не хотелось. Окончательно чашу весов склонило в эту сторону и то, что ей было попросту жалко бабу Надю — та и раньше умиляла и удивляла свою юную соседку уверенными движениями знающего свое дело человека.

Жизнь Софии вскоре перестроилась на новые непривычные рельсы. Рано вставать ей не приходилось, и к десяти-одиннадцати часам, когда работа ее деятельной соседки была в самом разгаре, она только завтракала, сразу после она шла на огород и ждала новых указаний — в основном ей поручали простую, но монотонную работу вроде прополки грядок или сбора ягод на одном из участков. Дел по саду и огороду было много, и казалось, что вне зависимости от качества результата их количество не уменьшается. Ничего другого Софии не оставалось: либо какая-никакая работа, которая помогала убивать время, либо бесцельное шатание по участку и окрестностям — такое же, какое она с трудом переживала последние несколько лет. Зато практически каждый вечер она возвращалась в дом или садилась за стол, накрытый в саду, с чувством праздника и ощущением честно выполненного обязательства — это ощущение не оставляло девочку до глубокого вечера, когда наступало время отхода ко сну, и припоминалось наступающим утром.

Перед самым отъездом родителей они с Соней и бабой Надей решили устроить совместный прощальный ужин. Помимо привычной картошки, разваренной до рассыпчатости, золотистой, блестящей от масла и присыпанной свежей зеленью, салата из яиц, редиса и зеленого лука, солений, баба Надя приготовила пирожки с начинками из всех фруктов и ягод, которые можно было найти на обоих участках и во всех окрестностях. Они были пуховыми, ароматными и аппетитными, что каждый съел не меньше пяти штук — всем хотелось каждую начинку попробовать по крайней мере единожды, что привело к тому, что сразу после ужина все разошлись по разным углам и не менее получаса приходили в себя от обильного приема пищи. Но даже так пирожков осталось несколько десятков, так что родителям пришлось часть взять с собой в дорогу, а оставшееся баба Надя и Соня доедали еще несколько дней.

Как раз после этого плотного обеда у Софии с отцом завязался долгий и душевный разговор — такого между ними не происходило в течение многих месяцев, и оба они успели забыть, какое удовольствие они оба получали от подобных бесед. Мало-помалу разговор коснулся и общения Сони и Ники.

— Знаешь, — начал Константин, которому внезапно стало как будто немного неловко. — Однажды, еще в самом начале лета, я возвращался с работы домой и увидел вещь, показавшуюся мне очень знакомой. То есть не совсем вещь — я увидел девушку, такую высокую и интересную, в свитере в полоску. Как раз он будто о чем-то мне напомнил, но я никак не мог сообразить, о чем именно. Дел у меня тогда было немало, сама знаешь — экзамены, курсовые и дипломы, и вскоре я и думать забыл о чем-то таком. Точно так же я бы забыл, скажем, о красивом кусте роз в парке или о картине художника, впечатляющей, но об авторе которой я никогда ничего не слышал. Но дело не в этом. Через несколько дней я работал дома, и у меня кончились все чистые тетради — а мне так срочно нужно было набросать несколько идей, которые мне совершенно внезапно в голову пришли. В общем, я был вынужден — ты уж за это извини меня, пожалуйста — заглянуть в твой стол. А там...

— Ой, не продолжай, — с тревогой потупила взгляд Соня.

— Да нет, ты не поняла, послушай. Да, я увидел письма, кассету и рисунок свитера. Я не читал все — пролистал, только и всего, но тогда я понял, что это все не так просто, как кажется на первый взгляд, как это видит Регина. Я не могу и не хочу тебя осуждать, более того, я и сам не забыл, каким был когда-то много лет назад. Как курил за гаражами папиросы — не такие игрушечные сигаретки, как сейчас, а настоящие, без всяких фильтров и из табака, который взялся непонятно с чьего огорода. И как отец лупил меня, двенадцатилетнего, за то, что я сбежал с ненавистной физики с парой одноклассников — эту историю ты уже сто раз слышала. В общем, я увидел все это и понял, что мама твоя неправа. А потом, когда случилась эта ваша дурацкая история с днем рождения, и я смотрел в окно в ожидании вашего прихода, я увидел вас обеих, как вы шли, держась за руки, в этих ваших свитерах. Тогда все у меня встало на свои места.

Константин окинул взглядом дочь, которая молча, опечаленно, но уже не так напряженно слушала его, не выказывая никакой реакции.

— Я что хочу тебе сказать. Иногда вещи, события и даже люди бывают настоящими, в смысле подлинными, наполненными. Они и жизнь делают такой же. Бывают те, которые только выдают себя за таковые, но на самом деле они ничего не значат и однажды утекут, как вода сквозь пальцы. И самое главное, не всегда получается верно судить о том, что есть что — чаще всего такое понимание приходит либо в самом конце, либо даже спустя годы. Я бы хотел, чтобы твою жизнь наполняло как можно больше настоящего, а наполнив, никогда не исчезало. Если ваша дружба такова, то я был бы ужасно этому рад.

— Спасибо, — прошептала Соня, не найдясь с ответом. — Нам весело вместе. Мы помогаем друг другу, и у нас уже даже есть пара историй, прямо как у тебя. Может быть, расскажу как-нибудь потом. И Ника — она крутая. Она умеет привлечь внимание, но не как что-то красивое, а что-то вроде...

— Ты имеешь в виду, эпатажная? — Отец часто помогал Софии подбирать сложные слова, когда сил или знаний для того, чтобы выразить мысль, у нее не хватало.

— Да, что-то такое. Мне бы хотелось быть похожей на нее. И она честная, прямая. Не то что я...

— О, ну тут ты зря сгущаешь краски. Бывают, разумеется, патологические лжецы — они врут всегда и везде. Не потому что берегут что-то сокровенное, а потому что просто могут, и вообще иначе не умеют. С такими даже контактировать тяжело, не то что дружить. Но я-то знаю, что ты другая. А вот во всем, что случилось, мы же с мамой и виноваты, что уж и говорить.

Их откровенный разговор продолжался в том же духе весь вечер, который плавно перетек в ночь. Напоследок Соня, уже уходя, спросила у папы почти невзначай:

— Ой, а ты не будешь против, если ко мне сюда придет Ника? Я пока не спрашивала, сможет ли она приехать, и вообще только сейчас это придумала. Но я бы встретила ее у станции и, может, мы бы даже вместе бабе Наде помогли.

— Я совсем не против. Но давай все же спросим у мамы — это будет честно.

Вместе они смело направились к Регине, которая уже ушла в дом и, уже в который раз тщательно проверив сумки, собранные для поездки, готовилась ко сну.

— Что ж, — подумав, ответила она на просьбу Софии, подкрепленную говорящим самим за себя взглядом мужа. — Мне страшновато оставлять вас двоих почти без присмотра. Но вообще-то ты заслужила награду за твой труд — баба Надя тебя хвалила. Только пообещай мне не бросать ее одну, раз уж нас не будет, и с Никой никаких глупостей не делать. Это тебе не город, я сразу узнаю, что к чему, и уж тогда заговорю по-другому.

Рассыпаясь благодарностями, София обняла мать, как не делала уже давно, а после к ним присоединился и Константин, молча радовавшийся всему увиденному.

— Ладно, давайте укладываться, а то завтра день будет не из легких, хоть и выезжать придется не так уж рано.

Прощание прошло мирно, спокойно и тепло — родители уехали, а баба Надя до конца дня освободила Софию от садовых работ. Девочка, пользуясь случаем, попросила у соседки позвонить подруге. Ни в этот день, ни на следующий, однако, кроме гудков на том конце провода она ничего не услышала. Наконец, решив позвонить Нике как можно раньше, на третий день ей удалось с ней связаться. Соня была так рада услышать голос подруги и ее согласие на приезд в гости, что даже забыла спросить, почему она два дня не брала трубку — вопрос пришел к ней в голову, когда они уже попрощались. Заключив, что Ника расскажет ей обо всем важном, что происходило, пока они не виделись, при встрече, она продолжила убивать время за работой под руководством бабы Нади.

Ника приехала через два дня. София, как и обещала, встретила ее у станции, и они вместе вернулись в дом, где оставались целых три дня — то время, на которое Лариса согласилась позволить Нике оставить квартиру без присмотра.

За это время Ника рассказала Соне большую и важную новость: она встретила парня. Хотя София сперва встревожилась из-за самого события и того, что теперь в их маленькую, но складную компанию придется включить нового человека, подруга быстро успокоила ее — они познакомились совсем недавно и пока только один раз успели погулять. Из-за этого она даже не могла толком рассказать ничего о нем, кроме того, что его зовут Сергей, он учится в строительном техникуме, и что ему в следующем году исполнится восемнадцать лет, встретились они в парке, где он гулял с собакой и подошел к Нике, евшей мороженое на лавочке. Ника, увидев, что подругу ее рассказ либо не особенно впечатлил, либо даже расстроил, пообещала познакомить их сразу, как Соня вернется с дачи, и прислушаться к ее мнению о нем. Благодаря этому, едва возникшая ревность подруги развеялась, а потом и вовсе была окончательно развеяна часами совместной работы в саду и прогулок по поселку.

Дни, проведенные вместе, кончились быстро — настала пора Нике возвращаться домой, а Соне приступить к новому этапу обучения «работе на земле»: лето подходило к концу, листья растений начинали незаметно желтеть, и наступало время сбора урожая и заготовки припасов на зиму. Многие были для нее совсем новым и сложным — тем не менее, бесконечные истории, прибаутки, приметы, которыми по случаю и без сыпала баба Надя, помогали терять ощущение времени. Незаметно для себя Соня успела даже полюбить многое, чему она училась все это время: ей нравились изменения в растениях, которые происходили с ними при правильно подобранном уходе. Нравились и разноцветные баночки, одни с кружочками ягод, другие с узкими полосочками перца, третьи — с широкими огуречными. Яркие цвета и разнообразные формы постепенно заполняли все плоскости дома бабы Нади, причем как вертикальные, вдоль стен, так и горизонтальные — на полу. У Сони не хватило бы смелости признаться даже самой себе в том, какую радость она испытывала, глядя на результаты своих многодневных трудов — где же это видано, чтобы девочке, которой и четырнадцати нет, нравилось варить сиропы, рассчитывать пропорции специй для маринадов и закатывать их с разнообразными плодами в банки?

Наконец настал день, когда родители, радостные, отдохнувшие и загоревшие, вернулись за Софией. После долгой разлуки — ранее они ни разу в жизни не оставляли ее одну так надолго — она была рада их видеть так же сильно, как и Нику. По той же причине Константин с Региной, сами того не ожидая, заметили, как выросла их дочь. За время работы в саду она загорела и вытянулась в росте, по их ощущениям, как никогда ранее. Пряди у лба и ближе к макушке выгорели на солнце, создав для Сони уникальный, природный и завораживающий образ. Они не могли сказать, что вовсе не сожалели о своем решении оставить дочь одну, но момент их встречи окончательно закрепил осознание того, что она стала совсем взрослой.

Спустя неделю вещи вновь были собраны и загружены в машину, как и десятки банок разнообразных кулинарных шедевров, которыми так старательно занималась София. Настало время возвращаться домой, где почти в тот же день началась подготовка к последнему событию лета, знаменовавшему не только конец сезона, но и новый этап жизни Сони, ее дню рождения, выпадавшему на последний день лета.

Ни она, ни Регина с Константином не любили собирать на такие праздники много народу и слишком уж заморачиваться со столом — кое-что они готовили, но основной символ события, торт, предпочитали есть прямо в кондитерской, той самой, их любимой, после долгой прогулки по городу и магазинам, где Соне прямо на месте покупали почти все вещи, которые могли ей приглянуться. В этом году, в чем ни минуты не сомневались родители, девочка предложила отправиться на подобную прогулку вместе с Никой — в особенности теперь, в такой день, об отказе в просьбе не могло идти и речи. Помимо того, что София была на седьмом небе от счастья от происходившего, Регина, все еще относящаяся к подруге дочери с толикой подозрения, если неприязни, в конце концов смогла с ней разговориться и окончательно принять факт общения девочек.

Безоблачное настроение этого дня было подпорчено только одним мрачным веянием — заметила его одна София и не подала виду, хотя этого хватило для того, чтобы надолго погрузить ее в печальные раздумья. Дело было в простом и совершенно бытовом разговоре Ники и Константина, случившимся, когда вся компания шла по парку и ела только что купленные в палатке сладости — леденцы и шоколадки:

— Ты же старше, чем наша Софа, я верно все понял? И я знаю, что ты в этом году будешь заканчивать школу? Как педагог, я не могу не спросить — какие у тебя планы? У меня есть ощущение, что ты могла бы поступить почти в любое учебное заведение, но что-то никак не могу понять, есть ли у тебя особые интересы.

— Да, дядя Костя, планы у меня действительно есть, — ответила Ника, обращаясь к собеседнику таким образом по его личной просьбе, последовавшей после того, как она еще в начале прогулки назвала его по имени и отчеству. — Только вот я не хочу учиться дальше — по крайней мере, в институте. Я не знаю, как точно выразиться, но эта система... Она не для меня.

Регина и София молча слушали девочку, испытывая схожие эмоции, хотя причины для них были совершенно разными. Будучи учительницей, которая много лет преподавала в классе самой Ники, Регина не могла понять отказ талантливой, пусть и непростой девочки, становиться частью так называемой системы, которую сама она любила и почитала. А вот Соня понимала, что, что бы не последовало за этим размытым и неуверенным вступлением, для их общения это не будет означать ничего хорошего. Как и тогда, на даче, что-то больно кольнуло ее в сердце. Ника продолжила.

— Мне тесно здесь — в школе, в квартире, даже в городе. Честно говоря, я завидую своей маме — она столько всего рассказывает, так радуется каждому дню работы вопреки тому, что много дней она не будет видаться со мной, и что у нее почти нет друзей тут, поблизости. Но есть там, в небе. А еще она путешествует, и, хотя многое в новых городах и странах она не может увидеть из-за своего расписания, она накопила столько впечатлений, что я за целый год не расскажу. Я бы хотела, как моя мама, быть стюардессой. Пока не знаю, как это сделать — мы, конечно, говорили с ней об этом, и она сказала, что обязательно поможет, но это все так сложно — даже сложнее, чем идти по обычному пути, участь в каком-нибудь училище или институте.

Константин с интересом осмотрел будущую стюардессу и, отметив, что он чувствует в ней призвание к этой профессии, продолжил диалог в том же спокойном русле. Регина про себя улыбалась — остатки предвзятости до сих пор брали над ней верх. У Софии упало сердце.

## Глава 5

Учебный год, ознаменовавший для Софии переход из среднего звена в старшее, а для Ники — завершение большого этапа школьной жизни, прошел спокойно: девочки по-прежнему виделись вне школы, но в силу того, что обе они единогласно решили оставить вязание, количество и продолжительность их встреч сократились. Обе они осознавали наличие такой перемены, но, вне зависимости от того, как Соня отнеслась вначале к изменениям в личной и учебной жизни подруги, она быстро смирилась с новыми обстоятельствами.

С Сергеем она познакомилась практически сразу после начала учебного года. Ника, как и обещала, позвала на прогулку их обоих, и неожиданно для самой Сони, они быстро нашли общий язык.

Оказалось, что он, как и девочки, увлекался музыкой — умел играть, причем не на каком-то классическом инструменте, подобный которому когда-то давно осваивала София, а на электрогитаре, которую он сделал практически с нуля своими руками под руководством его отца, который горячо поддерживал увлечение сына. Теоретические знания Сережи тоже не могли не восхищать: он прекрасно разбирался в десятках музыкальных стилей, без проблем на слух определяя практически любой, даже нишевый поджанр. Другой его страстью были музыкальные эффекты и способы их достижения — он различал типы приборов, которые изменяют звук гитар, вроде усилителей или педалей. Знаниями об этом он неустанно делился с девочками, которые не могли не слушать его, такого увлеченного и эрудированного в этой области, с вежливым интересом. Молча и выразительно переглядываясь, они слегка жалели, что не понимали не единого слова Сережи — и это при том, что Соня несколько лет усердно занималась музыкой.

Сами девочки тоже не отставали. Связала новую компанию музыка, но у них были и личные интересы, которые они продолжали развивать, постепенно превращая из простых увлечений в жизненные цели. Когда речь заходила о литературе и фотографии, блистали уже они, поражая юношу и слегка соревнуясь, беззлобно, но серьезно, друг с другом в широте и глубине познаний.

С приходом холодов, при молчаливом согласии родителей, Соня вновь стала приходить к Нике домой — там они проводили время то вдвоем, то втроем с Сережей, увлеченно общаясь и постепенно сближаясь. У них появлялись шутки, которые понимали только они сами, разговоры становились все откровеннее. Постепенно все узнали о том, как жестоко, хотя не без причины, наказывались Софию, какое одиночество ощущала Ника практически всегда, когда находилась дома или на улице без друзей, как Сережа пожертвовал своим талантом ради того, чтобы обучаться серьезной профессии, которая одна только и будет, по мнению его отца, кормить его всю жизнь. Они поддерживали друг друга, делились воспоминаниями, и находили десятки развлечений, не таких самобытных, как вязание, и не таких опасных, как вылазки на крыши.

Сближение иного характера происходило и непосредственно между Сережей и Никой. Они чаще держались за руки, сидели, когда могли, теснее и смотрели друг на друга так, что Соня быстро осознала, что им требуется больше личного пространства. Как она и предполагала, это привело к тому, что они стали реже видаться с Никой, но роптать на это ей не приходилось — нельзя было сказать, что подруга о ней забыла, да и втроем они отлично проводили время.

Обсуждая в очередной раз феномен музыкальной группы — той самой, с которой началась история двух подруг — Сережа случайно, просто потому что пришлось к слову, восхитился образом жены фронтмена, их стремительной истории взаимоотношений. Хотя Ника не подавала виду, с радостью поддержав беседу, София понимала, что подругу это задело. Привело

это, однако, к совсем другим последствиям, проявились которые спустя много недель, когда все, кроме Ники, и думать забыли об этом разговоре.

На новогодних каникулах, которые Соня проводила в квартире вдвоем с отцом, потому что Регина на несколько дней уехала сдавать экзамены для повышения квалификации, Ника позвонила ей и с паникой в голосе попросила прийти к ней как можно скорее. Ничего не спросив в ответ, София устремилась к подруге, даже толком не объяснив Константину, что произошло — сама еще не понимала, хотя чувствовала, что дело экстренное и непростое.

Надышавшись морозным воздухом и несколько раз второпях чуть не упав на покрытом неровной ледяной коркой тротуаре, запыхавшаяся и раскрасневшаяся девочка добралась до квартиры подруги. Ей открыла сама Ника, за спиной у нее, дальше по коридору, стоял растерянный Сергей. В первые секунды Соня не поняла, что произошло. Все, что она видела — это красные от слез глаза, припухшие веки и с трудом сдерживаемую истерическую гримасу девушки. Она было потянулась к подруге, чтобы обнять ее и уже потом успокоить и расспросить, но увидела в полумраке квартиры то, что та сделала со своими волосами. Рот Софии приоткрылся в молчаливом «О», а руки сами потянулись к лицу, и в ответ на это Нику накрыла уже, по-видимому, далеко не первая волна рыданий.

Оказалось, что Ника, ничуть не забывшая обсуждение жены кумира, для всех остальных канувшее в лету, задумала поразить Сережу радикальной переменой, став немного более на нее похожей. Втайне ото всех, даже от него самого и Софии, она узнала, как можно в домашних условиях осветлить волосы. Сперва такая мысль пугала и ее саму — ну какая из нее блондинка, еще и с кудрями, да и глаза у нее даже близко не голубые — но постепенно неприятное воспоминание все больше обжигало ее, а уверенность в необходимости так поступить росла. В конце концов, она не выдержала, купила перекись и, следуя простым инструкциям, приступила к процедуре, ни на минуту не задумываясь о последствиях.

София бегло оценивала масштаб проблемы. Волосы действительно стали на порядок светлее, но Ника, выкрашивавшая их в полном одиночестве, не видела, как состав лег на ее плотные кудри. Он взялся местами — не то прядями, не то пятнами, а в иных местах его было настолько много, что он расплавил целые пряди, слепив их в ленты и комья, через некоторое время распадавшиеся на фрагменты; то, что осталось от прически, сейчас напоминало скорее хаотично наклепанные на череп шнурки из пакли самой разнообразной длины. Коже головы повезло не меньше. Включив свет, Соня поняла, что и она была в пятнах, но красных, горячих на ощупь и нездоровых на вид. Кудри, которые Ника вообще-то не любила и регулярно вытягивала самыми разными и не менее радикальными способами, почти исчезли.

Вторым шоком для Софии стало то, что она обнаружила в раковине кухни, где подруга смывала самодельной осветляющий состав: она была усыпана целыми прядями, осыпавшимися во время мытья. В неуклюжих попытках успокоить вконец потерявшую над собой контроль Нику, Соня поняла, что совершенно не понимает, чем она могла бы помочь ей, как этого не понимал и болтающийся рядом почти без дела Сергей.

Придерживая ревущую подругу за плечи, София пыталась вспомнить все, что ей известно о парикмахерском искусстве. Ее собственные волосы, доходившие ей до поясницы, не требовали никаких усилий в уходе. Гладкие, плотные и послушные — Соня сама могла при необходимости подравнивать кончики, не выходя из дома, так что даже с парикмахерами она виделась крайне редко. Поглаживая настрадавшуюся голову Ники, которая уже начала принимать произошедшее, она пришла к неожиданной идее — ей стало интересно понять, что пошло не так.

София предложила Нике, уже сидевшей поодаль с зажженной сигаретой, повторить эксперимент, но на этот раз на самой Соне. Она знала об осветлении, о том, что некоторые девушки делают это дома, и результат получается совсем иным. Втайне ото всех она хотела попробовать сделать то же, хотя ей не хватало решимости для того, чтобы провести всю проце-

дуру самостоятельно. При этом такая мысль никогда не превращалась в идею-фикс — в отличие от того, как это произошло у подруги.

— Давай попробуем то же на мне! — Предложила Соня, когда настроение подруги окончательно стабилизировалось. — Послушай, я сама давно этого хотела — мне так нравится, как на у меня появляются светлые пряди от солнца; но зачем ждать лета, когда это можно сделать прямо сейчас? У тебя осталось все, что нужно, и один раз попробовав, ты уже хоть немного понимаешь, что делать. И вообще, если уж страдать, то вместе. И если у тебя снова не получится, ты будешь не одна, мы одновременно вернемся в школу, и пусть все говорят, что хотят. Зато мы будем вместе.

Сергей, все это время не оставлявший попыток поддержать Нику, был в ужасе от Сониной затеи. Он как мог пытался отговорить их от занятия, сомнительный результат которого они уже могут лицезреть, но София была непоколебима в своем намерении поддержать подругу любыми способами и легко заткнула за пояс робкие аргументы мягкого по натуре Сережи. И это действительно сработало: воодушевленная Ника принялась готовить новую порцию краски, и окончательно отчаявшийся переубедить подруг юноша решил присоединиться к процессу, контролируя его.

Первыми жертвами осветления стали пряди у висков и ушей Софии — она знала, что мама почти наверняка будет не в восторге от того, что она с собой делает, и потому надеялась, что будет немного лучше, если окрашивание будет прикрыто натуральными волосами. Результат превзошел ожидания всех троих участников процедуры. Светлые пряди, теперь обрамлявшие лицо Сони, удивительно гармонично подчеркивали ее природную красоту: щеки стали розовее, глаза — ярче, да и ни одного волоса с ее головы не упало. Сергей, видя результат, неожиданно сменил интонацию и принялся искренне восторгаться парикмахерским дебютом Ники, как будто забыв, что первая ее попытка окрашивания была осуществлена немного раньше и с радикально иным результатом. Ника, в свою очередь, принялась уговаривать подругу на расширение поля для деятельности.

София не раздумывала. Она давно не чувствовала себя такой свежей, живой и красивой. Только сейчас, глядя в зеркало, она поняла, как устала от своего привычного образа учительской дочки, который нельзя было охарактеризовать иначе как «милый» или «аккуратный», и дала уверенное согласие на то, чтобы Ника взяла в работу новые пряди — на этот раз, ближе к челке, прямо по кромке лица. Через некоторое время и эта часть преображения была завершена. Ради гармоничности образа были окрашены некоторые пряди в районе затылка.казалось, что она уже родилась такой — с неброскими светлыми прядями — настолько ей шел новый образ. Ника и Сережа не переставали сыпать комплиментами, окончательно успокоившись и переключившись. Закончив процедуру уже глубоким вечером и так и не решив, как исправить проблему Ники, друзья разошлись по домам, договорившись встретиться на другой день, когда та расскажет обо всем Ларисе.

Соня, по пути раздумывавшая о том, что бы ей самой сказать родителям о своем никем не санкционированном решении, быстро пришла к выводу о том, что Константин хорошо или по крайней мере нейтрально воспримет новый образ — она была уверена, что, даже если отец прямо не скажет об этом, в глубине души оценит результат. Поступок, особенно совершенный втайне от Регины, будет непременно подвергнут всестороннему анализу и, очевидно, осуждению, но этого девочка совершенно не боялась. Другое дело, что обо всем этом подумает мама, которая вернется только через пару дней — вот тут начнутся сложности. Единственным аргументом в пользу того, почему ей не стоит злиться на дочь, София видела тот факт, что та сама регулярно красилась. Мама начала это делать, как было известно Соне по ее рассказам, будучи немногим более взрослой, чем она.

В итоге оказалось, что новая прическа говорила, как и во время ее создания, сама за себя. Родители действительно были возмущены тем, что она не спросила не то что разре-

ния, но хотя бы их мнения, но быстро смирились со случившимся: мало того, что девочка действительно выглядела совершенно прелестно, так еще и Константин неожиданно встал на ее сторону. Искренне считая, что на пятнадцатом-то году человек может самостоятельно решать, что ему делать со своим телом — тем более, что не произошло ничего непоправимого — он быстро убедил в этом же супругу. А Регина, сперва хорошенько отчитавшая дочь, в свою очередь, нашла в себе силы выслушать причины, которые привели Софию к такому решению. Оказалось, что она знает на собственном опыте, каково это, когда прекрасная идея образа оборачивается полным провалом — как-то в юности она решила самостоятельно остричь челку, но взяла слишком высоко, и еще два месяца не снимала шляпу даже в помещении.

Услышав о том, что произошло, она даже пожалела Нику и взяла на себя объяснение изменений в ее облике перед другими учителями и директором школы, занятия в которой возобновились спустя несколько дней после происшествия. Сделать это пришлось из-за того, что, по совету Ларисы, Ника вновь постриглась — почти так же коротко, как пару лет назад, только на этот раз доверилась мастерице из ближайшей парикмахерской. Так жизнь и учеба Сони и Ники вошла в привычную колею и с тех пор только плавно приближалась к периоду выпускных экзаменов. Встречи компании друзей с приближением становились реже, но каждому из них были необходимы и важны.

Нику волновало поступление на курсы бортпроводников и обучение на них — конкурс был большим, как в театральное училище, и, как бы ее не успокаивала мама, девушка считала, что ее не спасет никакая протекция, если еще на этапе отбора ее кандидатурой пренебрегут. Более того, курсы были организованы в другом городе, и на многие месяцы ей предстояло уехать далеко от дома.

Сереже, как и девочкам, предстояли выпускные экзамены. Сами по себе они его не беспокоили, потому что он был уверен в своих знаниях и положении. Из-за успехов в учебе в прошлом и участия в культурных мероприятиях в качестве постоянного музыканта он был на хорошем счету. Помимо этого его ждало испытание иного рода — осенью ему следовало идти в армию, чтобы потом, когда ему захочется поступить в университет, это обстоятельство не могло ему помешать. Для Софии же предметом особого волнения оставалось то, что ее ждало расставание сразу с двумя близкими друзьями — ее злило осознание того, что еще немного, и она останется одна, хотя виду она не подавала и радовалась всем успехам своих товарищей, которые постепенно, с наступлением лета, демонстрировали все больше рвения и постепенно достигали поставленных ими целей.

К июлю все экзамены были позади, отзвенели последние звонки и отгремели выпускные, и настало время, которого больше всего боялась Соня — Нике было пора уезжать. Сергей тоже волновался, потому что понимал, что предстоящий для них период расставания станет серьезным испытанием для них обоих.

Последнюю неделю друзья проводили вместе с утра и до ночи, пытаясь и компенсировать время подготовки к экзаменам, когда они редко виделись, и при этом наговориться впрок — сделать им этого никак не удавалось, хотя они без усталости гуляли, посещали все мероприятия, которые происходили в этот небольшой период, килограммами потребляли сладости и дома, и на улице, днем и ночью слушали музыку.

День расставания с Никой кончился, едва начавшись — ее поезд отходил в пятом часу утра. Невзирая на раннее время, Соня и Сережа прибыли на вокзал и провели последние минуты в вагоне, шутя и болтая так, будто они по-прежнему сидели на Никиной кухне. Когда проводница напомнила им об отправлении поезда, они вместе обнялись, и никто из них не решался первым расцепить руки.

Стоя на перроне вместе, на каждый в своем одиночестве, София и Сергей долго махали вслед уходящему поезду — до тех пор, пока он не начал уходить в плавный поворот и не слился с горизонтом. Оба они понимали, что вряд ли смогут поддерживать общение друг с

другом без промежуточного звена, которым все это время была для них Ника. По выходе из здания вокзала, помахав и друг другу, возможно, в последний раз, друзья разошлись в разных направлениях, чувствуя, как за их спинами медленно растет невидимая стена.

## Глава 6

Первый учебный день всегда вызывал у Софии чувство трепета. Хотелось ей идти на учебу или нет, какой бы ни была погода, сверкала ли она обновками или отправлялась на учебу в том, из чего не успевала вырасти за лето, ощущение праздника и нового этапа из года в год не покидало ее до самого вечера. Еще более ярким это чувство было на этот раз: во-первых, торжественная линейка была назначена не на привычные восемь тридцать утра, а начиналась в двенадцать, во-вторых, впервые за одиннадцать последних лет Соня выходила из дома не с мамой, а с папой, и шли они хоть и хорошо знакомым им обоим, но все же воспринимавшемся совсем по-новому маршрутом. Девушка только сейчас осознала, что все самое сложное позади, и она стала совсем взрослой и самостоятельной. Пусть до ее совершеннолетия и оставался еще целый год, с этого момента она принимала всю ответственность за свои решения на себя и не могла перестать гордиться собой, своей жизнью и последними достижениями. Всю дорогу — на автобусе и метро — София вспоминала нелегко дававшиеся ей последние полгода, а сопровождавший ее отец не мешал ее раздумьям, потому что прекрасно знал, каково впервые ступить на порог выбранного учебного заведения.

К поступлению она готовилась целый год: еще усерднее прежнего отрабатывала сочинения, собирала портфолио, готовилась к вступительным экзаменам по русскому языку и литературе. Вопреки тому, что Константин был преподавателем в университете, в который она была намерена поступить, по той же причине ни минуты не сомневаясь в выборе, оба они не хотели относиться к этому как к преимуществу. Еще задолго до подачи документов они договорились, во-первых, о том, что отец не будет рассказывать ей о поступлении ничего сверх необходимого, а о прямой помощи, вроде подсказок или подкупа, и речи быть не могло. Соня хотела и, главное, могла обойтись собственными силами. Она была уверена, что впечатлит любую приемную комиссию, ни минуты не сомневаясь в своем таланте и превосходстве над другими будущими студентами. Во-вторых, они единогласно решили скрывать свое родство — не поднимать эту тему самостоятельно и на прямые вопросы преподавателей и студентов, если кто-то из них полюбопытствует, все отрицать. Возможно, такая осторожность была излишней, потому что Константин преподавал на совсем другой кафедре и даже факультете, и их пути не могли пересечься, но София хотела, чтобы все вокруг видели, что она сделала себя самостоятельно.

Она была приучена к такому отношению к себе с самого детства, с момента прихода в школу. Там скрывать родство с учительницей было невозможно, но все окружающие быстро поняли, что это в самом деле ничего не означает ни для Сони, ни для Регины.

Сколь серьезно девушка не относилась бы к учебе и своему дальнейшему пути, в ее жизни сохранялась одна причина, по которой она могла прервать любые дополнительные занятия — краткосрочные и редкие приезды Ники, которая уже давно окончила курсы и сразу, как только ей исполнилось восемнадцать лет, приступила к долгожданной работе. С Сережей она давно рассталась — все прошло без недопониманий и скандалов; оба всего-навсего быстро поняли, что темп, цели и принципы в их жизнях не совпадают. София не собиралась терять подругу, по крайней мере, так же легко, и не раздумывая соглашалась на встречи в любое время дня и ночи, при том, что небольшая продолжительность их свиданий никак не мешала ей заниматься и сохранять настрой.

Как когда-то Лариса поражала рассказами о своих буднях Нику, так теперь сама Ника ни разу не приезжала домой без новостей и воспоминаний о пережитых в разных городах приключениях — пока она была неопытной, так что рейсы проходили в границах страны. Часть историй, что вовсе не удивляло Соню, касалась того, как к юной и несомненно интересной бортпроводнице относились некоторые коллеги-мужчины и пассажиры. София все еще чувствовала себя если не ребенком, то подростком, а вот за ее подругой, которой не было еще и двадцати,

уже закрепились слава роковой красоти, в багаже которой уже имелось несколько разбитых сердец. Романтика полетов, профессии, самой жизни Ники шли ей, как никому иному — это чувствовалось даже на расстоянии. Соня нередко замечала, как на ее подругу, только зашедшую, например, в кафе, пялились незнакомцы, не стесняясь и даже прерывая разговор. Ее энергия и красота заполняли все пространство вокруг, воздух становился электрическим. Даже сама София, имевшая нечто вроде иммунитета к эффекту, который подруга оказывала на окружающих, иногда чувствовала легкую зависть и даже влюбленность в ее образ — а потом вспоминала их школьные дни с бесконечной музыкой, дурацкими шутками, ностальгически припоминаемыми по случаю до сих пор, и историями, в которые они поочередно попадали. И все равно обе девушки гордились своей дружбой, высоко ценили проводимое вместе время и по настоящему скучали, когда неделями, а то и месяцами, не могли видеться.

Встречи быстро заканчивались, и София возвращалась к своим насущным делам. Помимо подготовки к поступлению в институт, учась в выпускном классе, она нашла себе подработку — официанткой в кафе. Работа была несложной, не отнимала много времени, позволяя большую часть сил бросить на учебу, даром, что девушке все равно особо нечем было занять свободное время: близких друзей и отношений у нее не было, что беспокоило ее лишь изредка и чаще всего в контексте сравнения своей и Никиной жизни.

Все это позволило в течение первых месяцев текущего лета без особенных сложностей поступить на факультет журналистики, и теперь София смело могла говорить о том, что исполнила свою давнюю и лелеемую мечту. Понимание того, что такого результата она добилась, полагаясь только на себя, заполняли ее душу огнем и решимостью двигаться дальше, покоряя репортажами зрителей всей страны, а еще лучше — мира. Даже сейчас, не посетив ни единого занятия, она представляла фото, которые она опубликует на первых полосах газет и журналов, например, из глубин Сахары, непроходимых джунглей Амазонии или даже какой-нибудь горячей точки.

Время в пути, в этот день заполненное размышлениями и разговорами о будущем, пролетело незаметно, и София с Константином уже были в нескольких сотнях метров от здания университета. Здесь они решили расстаться — в рамках той же договоренности о том, что внутри него они становятся всего лишь однофамильцами — и София ушла вперед, продолжая размышлять о том, как отныне поменяется ее жизнь, какой она с сегодняшнего дня будет наполненной, как с каждым месяцем будет увеличиваться ее важность в профессиональном сообществе и собственных глазах. Найдя аудиторию, по ощущениям совпадавшую по площади с целым этажом ее школы, она выбрала себе место среди других первокурсников.

После приветственной, пресной и едва слышимой речи декана факультета, которую уныло дополнил один из старших преподавателей, по-видимому, не горевший желанием встречать новичков, но не нашедший ни единой причины, чтобы избежать мероприятия, началось малопримечательное знакомство с однокурсниками. Их оказалась почти сотня человек, каждый немного рассказал о себе, своих интересах и достижениях — за полтора часа должны были представиться все студенты, так что на каждого выступавшего было выделено не больше минуты. Это привело к тому, что все ужасно торопились, сбивались и не могли сосредоточиться из-за непрерывного грохота стульев и тихого, но не прекращавшегося ни на минуту бормотания толпы. Уже на шестом человеке Соня совершенно запуталась в именах и увлечениях, а через полчаса опустила подбородок на руки в ожидании собственного выступления и конца мероприятия. Вопреки ее ожиданиям, никого не заинтересовала ее фамилия, хотя она заготовила ответ на подобный вопрос. Ее школьные успехи блекли на фоне всех остальных: одни так же организовывали или по крайней мере посещали кружки по журналистике и фотографии, меньшинство же предпочитали театральные и режиссерские. Часть студентов увлекалась написанием статей, некоторые из них даже публиковались в более или менее крупных молодежных журналах. Последнее Софию несколько огорчило, потому что ей самой пока не

удавалось выбраться за пределы школьной стенгазеты, но она решила, что обязательно попробует себя в этом направлении в самое ближайшее время.

Собрание скомкано завершилось. Как бы не поторапливали преподаватели некоторых выступавших, многие не могли уложиться в отведенное для них время. Теперь Соню, как и всех остальных, должны были распределить по группам, в которых они останутся до середины 3-го курса — именно в это время у нее появится возможность поступить на одну из желанных кафедр: современные медиа или фотожурналистика. Еще через час и эта часть вступительной церемонии была завершена — к этому времени девушка, как и все остальные, уже вымоталась из-за духоты и изрядно проголодалась. Преподаватели, которые вели приветствие, решив, очевидно, окончательно добить первокурсников, представили им расписание занятий на ближайшую неделю: пока их было немного, но всех неприятно удивило то, что в некоторые дни между всего двумя парами было два же окна между ними, и что начаться занятия должны были уже сегодня. Первым из них была потоковая лекция по высшей математике.

Придя домой уже вечером, София, неприятно удивленная всем, что она успела увидеть за сегодняшний день, долго делилась с отцом первыми впечатлениями. Константин дал дочери высказаться обо всем, что она успела понять и почувствовать, с пониманием покачивая головой и неловко улыбаясь в особенно эмоциональных момента рассказа дочери.

— Ты права в том, что высшая школа сильно отличается от средней, — решил он ее ободрить. — Все, что происходит или может произойти вокруг тебя, от тебя самой и зависит. Никто не возьмет тебя за руку, не усадит за стул, не даст книжку и не скажет, что ты справишься, если выучишь наизусть от сих и до сих. Я много раз говорил тебе, как важно быть самостоятельной, имея в виду в том числе и это — просто раньше я не смог бы объяснить тебе все нюансы. Такое можно только почувствовать. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Думаю, что да, — ответила Соня, поразмыслив несколько секунд. — Завтра мы, кстати, будем выбирать старосту. А еще я видела несколько объявлений о том, что скоро начнется набор на дополнительные программы и кружки.

— Вот и пробуй — теперь только ты решаешь, что тебе нужно, а что — нет.

— Да, я тут еще подумала, что попробую написать что-то для журнала. Пока не знаю, художественное или документальное, и куда я это отправлю, но...

— Не торопись. У тебя еще пять лет впереди, и это минимум. Всему свое время — пока разберись с насущными проблемами.

— Да, конечно...

София знала, что отец ответит что-то в таком духе — не станет давать советов, если она не просит об этом прямо, или торопить. Его спокойствие и смирение, которые всегда были его особенно яркими чертами — и теперь девушка, кажется, понимала, почему — и ей позволяли обрести почву, выбитую из-под ног. Так было и на этот раз.

— Спасибо тебе, — она смотрела на него с улыбкой, вновь почувствовав поутраченный за этот день пыл. — Надеюсь, завтра будет лучше.

Соня ушла в свою спальню и взялась за подготовку первой домашней работы, суть которой сводилась к поиску ответов на вопросы по паре книг, которыми она пользовалась еще в школе, а потому справилась она с ней быстро. Сегодня ее не радовал даже свежий ремонт ее комнаты — подарок родителей на окончание школы, который означал прощание с детством для каждого из них. Теперь интерьер ее комнаты не напоминал смесь стиля зефира, оставшегося еще с дошкольных времен, и гуталина, который рвано дополнял подростковыми деталями, вроде десятков наклеек или плакатов с любимыми музыкантами и постерами к фильмам, персиковые обои с ромашками. Он стал взрослым, более светлым; сама комната была куда более просторной — без зазрений совести еще в середине лета София избавилась от более чем половины старых вещей, что-то раздав, а что-то отправив в дачную ссылку. С упованиями на еще незнакомых, но наверняка талантливых педагогов, на одноклассников, с некоторыми из

которых она познакомится и, возможно, даже сдружится на всю жизнь, с мечтой об обретении цели, Соня готовилась встречать новый день.

Лучше, однако, не стало ни завтра, на еще через день, ни на следующей неделе, ни даже через месяц. У Сони сложилось ощущение, что ни один преподаватель, вне зависимости от того, вел ли он специальный предмет или общий, не испытывает интереса к своей сфере деятельности. Отдельные личности вообще, по-видимому, считали ниже своего достоинства читать лекции для первокурсников — простые темы и идеи они закручивали так, что дома было совершенно невозможно разобраться в том, что было услышано на лекции несколько часов назад. Даже ранним утром вид у них был утомленный, будто им наскучили не только занятия, но и жизнь. Молодые преподаватели, напротив, не могли обойтись без шуток и прибауток, и, увлекаясь беседами с зелеными первокурсниками, постоянно уводили мысль в сторону от основной темы, от чего тоже легче не становилось.

Внеучебная деятельность оказалась ничем не лучше. В кружок записывались десятки студентов в самых разных направлениях, но уже ко второму посещению их число сокращалось в два, а то и три раза, а третьего дожидалось от силы пятеро. Мероприятия, требовавшие подготовки, то есть подразумевающие выступления или даже конкурсы, посещали из-под палки, а их непосредственные участники были либо странноватыми фанатами какого-то отдельного занятия — они же были костяком кружков, — либо серьезно провинились перед кем-то со своей кафедры или факультета и были вынуждены таким образом, создавая видимость массовости, отрабатывать минимальный балл, необходимый для сдачи зачета или экзамена.

Без каких-либо сложностей София получила звание старосты. Оказалось, что никто из ее группы не собирается составлять ей конкуренцию, и все быстро и почти без обсуждения согласились с ее кандидатурой. Только потом девушка поняла, какую совершила ошибку: ее звание не вызывало ни у кого почета или уважения, зато обязанностей было хоть отбавляй. Она должна была отмечать присутствующих и отсутствующих, знать, почему того или иного одногруппника нет сегодня на занятиях, носить в деканат и обратно ведомость или предупреждать группу о том, что пара отменяется, переносится, или скоро состоится очередное мероприятие. Первое время Соня еще пыталась делать все это прилежно и вовремя: собрала телефоны одногруппников, требовала объяснений за каждую энку в журнале посещений. Оказалось, что преподавателям по большей части все равно, кто из студентов к ним приходит, кто — нет, и всем ли известно об открытой лекции, организованной лучшим преподавателем какого-нибудь института заборостроения. А вот одногруппников она, напротив, чуть было не настроила против себя своим первоначальным усердием, что привело к тому, что она так и не смогла сблизиться ни с кем из студентов, быстро разбившимся на мелкие закрытые группы и сообщества. Отказаться от должности старосты девушка даже не пыталась. Сама ведь нарвалась, теперь ищи дурака — даже минимальные обязанности было необходимо превозмогать.

Помимо этого, подготовки к семинарам, письменным и устным контрольным и — реже — узкопрофильным конференциям, впрочем, таким же никому не нужным, отнимали у Софии почти все свободное время. Теперь она едва успевала работать в кафе, что оставалось единственным занятием в ее жизни, которое мотивировало ее хотя бы финансово, и это было единственным местом, где ее искренне хвалили за усилия. В такой обстановке написании статей для журналов, газет или хотя бы студенческих сборников и речи быть не могло. Скоро она пришла к выводу, что ничего из того, о чем она сейчас хотела бы рассказать, не было сколь угодно оригинальным — любой образ, любая идея, которые казались ей гениальными, были вдоль и поперек исследованы, и хорошо, если не в восемнадцатом веке.

Месяцы учебы проходили одни за одним. Помимо ожидания выходных и праздников, отдушиной для Сони были отнюдь не участвовавшие встречи с Никой — она и раньше с радостью встречала ее, но теперь короткие прогулки или посиделки были необходимы ей как воздух.

Не успев и глазом моргнуть, Соня сдала, причем без троек, свои первые зачеты и экзамены — наступили долгожданные зимние каникулы, за время которых она едва смогла избавиться от накопленного напряжения. Учеба доставляла ей все меньше удовольствия.

Прошли весна, началось лето, а вместе с ним — период экзаменов и защиты первой курсовой. София относилась к ней как к своему первому крупному достижению в стенах университета, а вот ее научному руководителю не было никакого дела до этого процесса, хотя в целом он проявлял к ней и вообще к первокурсникам чуть больше внимания, чем все остальные педагоги. Он никак не направлял ее работу, не комментировал проблемы или неточности, хотя девушка стабильно приходила к нему за советом. Это привело к полному провалу ее первой защиты — «Хорошо, но работа на троечку», — и, как следствие, окончательной потере интереса к делам университета.

Остаток лета она провела в городе, работая и время от времени наезжая на дачу, куда с типичной для них точностью уехали родители, а по их отбытии к морю и вовсе практически заперлась в квартире.

В отличие от предыдущего года, София думала о возвращении к учебе с содроганием и даже раздражением. Единственное, что вселяло в нее надежду — это слух, прошедший в последние недели учебы, согласно которому в следующем году среди студентов со второго по четвертый курсы будет организован конкурс, наградой в котором станет годовое обучение за границей, предположительно, во Франции. Мысли о победе вновь распяляли потухшее было пламя стремления к успеху.

В разгар первого полугодия второго года обучения конкурс действительно был объявлен — необходимо было написать сочинение на тему того, почему именно я должен ехать учиться за границу, а после отборочного тура следовало пройти собеседование с группой преподавателей. Соня честно в течение нескольких дней обдумывала, писала и редактировала свое сочинение. Конкуренция была небольшой — часть студентов отсеялись еще по ходу первого курса, еще часть не были заинтересованы в подобной возможности. Вспоминая о том, как проходили командировки отца за границей, она уже представляла себя в стенах старинного европейского учебного заведения, одинокие прогулки по паркам и туристическим местам, которые она и так будет видеть каждый день из окна своей квартиры, беседы с иностранцами. Иногда девушка погружалась в свои фантазии так глубоко, что представляла, как любыми правдами и неправдами добьется того, чтобы остаться там, в Европе, доучиться, устроиться на работу и в идеале прожить всю жизнь.

Сдав сочинения, София с трепетом ожидала его результатов. Прошел месяц, после — второй, серые будни незаметно перетекали из одних в другие. Под самый Новый год стало известно, что девушка оказалась в числе десятка студентов, которые могут быть отправлены во Францию. За все время учебы эта новость стала первой и самой хорошей для нее, тут же она рассказала о своем успехе и родителям, которые еще долго поздравляли и поддерживали ее, настраивая на поездку, и время от времени напоминали, что хорошо бы вспомнить хотя бы школьный курс английского языка, а лучше обратить внимание непосредственно на французский. Второй этап отбора, по всеобщему мнению, должен был пройти после Нового года и периода экзаменов, но в итоге дело до него даже не дошло — программа обмена, еще толком не начатая, была свернута, собеседование отменили, и еще одна причина для учебы рассыпалась в прах.

За это время девушка приобрела еще один вполне полезный навык — она научилась отличать обычные и хоть сколько-нибудь важные лекции и семинары от тех, которые без зазрения совести можно было прогулять. Делать это было легко еще и потому, что с отцом она действительно не пересекалась ни во время занятий, ни даже по дороге в университет или домой. Это позволило ей проявить усердие хотя бы на работе, где она уже давно занимала должность старшей официантки.

В этом смысле лето, медленно, но неотвратно приближавшееся и дававшее надежду на то, что бесполезная учеба, наконец, закончится, обещало быть особенно плодотворным — оно было последним до распределения по специализациям, которое должно было начаться в середине следующего полугодия. Только этим летом у Софии получится заработать немного больше, пусть ей и не было понятно, куда можно потратить сумму, превышавшую ее расходы на прогулках и редкие обновки в гардеробе.

Разгорался типичный июльский вечер. Жара, уже исчезающая из воздуха, не могла найти выхода из-за стеклянных стен кафе, покрытых дорожной пылью — в это время года что вытирай их, что не вытирай. Последний наплыв гостей, ищущие отдыха после вечера или целого дня, проведенного на улице, еще не начался, но персонал уже готовился к нему. Официанты протирали свободные столики, намывали аппараты для фирменных молочных коктейлей и порошковых, но ароматных и сверх всякой меры популярных соков всех цветов радуги. София стояла у барной стойки в полной готовности, когда в зал вошла группа молодых людей.

Их было трое, все немного старше, чем она сама. Они с порога зашумели, смеясь каким-то шуткам, суть которых осталась за пределами кафе. С иголки одетые — все в льняных и без единой морщинки рубашках, двое, блондин и брюнет, в светлых, почти белых джинсах, а третий в бежевом костюме и при галстуке — они хором выражали восторг по поводу завершения некоего сложного дела. Сев к барной стойке, все трое заказали по молочному коктейлю, которые Соня тут же бросилась делать, смущенно отвернувшись от окидывавших ее взглядов, один из которых был особенно пристальным. Раньше она никогда не видела здесь никого из них — кафе было семейным, и многих посетителей, которые по будням приходили одни, а по выходным приводили детей, сотрудники знали в лицо. Новые гости явно оказались тут случайно. Нехотя София вслушивалась в шумное обсуждение, охватывавшее что-то связанное с прибывшими поставками — очевидно, без каких-либо сложностей полученных «бежевым». Теперь он просил у двух других сравнить пару-тройку фирм карго и выбрать одну из них, чтобы организовать прямые поставки, а не как в этот раз. Один из «джинсовых», более молодой, обладавший хитроватым лисьим разрезом льдисто-голубых глаз, обрамленных пушистыми и длинными ресницами цвета чая с молоком, смеясь, отвечал:

— Да уж, пора оформлять все более официально — больше я ни за что не стану надевать сразу десять пар трусов, к тому же, женских, в туалете аэропорта! — Его собеседники, видимо, не раз за последнее время выслушали эту историю, но снова покатались со смеху.

Бежевый, переключившись с серьезной волны, продолжил:

— Да и Кирию, вон, совсем без денег оставят, если он еще раз на улице встретит того продавца духов. «Маме возьму, сеструхе», — передразнивал он интонации второго из джинсовых, который, уже, видимо, несколько уставший от последствий своей оплошности скорчил гримасу, означавшую нечто вроде «да-да, вот такой я клоун, приветствуйте на арене». — И купил двенадцать — только вдумайся! — флаконов с водой.

Подававшая им заказ Соня исподтишка смеялась их историям, на что обратил внимание бежевый:

— Милая дева, присоединяйтесь к нашему маленькому синдикату, если вам нравится то, чем мы занимаемся, — он улыбнулся и умело подмигнул ей. — Сперва будет нелегко, но я вас уверяю, что уже через год барыши наши будут такими, что вы до конца своих дней забудете о работе руками.

Вообще-то Софии нравилось то, чем она занималась. Хотя ее семья никогда не имела ничего общего с ручным трудом, всю жизнь ее учили уважать любую профессию, любое дело. Бывало, что она чувствовала пренебрежение, исходящее от некоторых гостей, а порой и грубые слова о том, что она — прислуга, но именно в таком виде замечание о ручном труде ее ни капли не задело.

Она гордилась тем, что работала без устали, придя сюда еще школьницей. Соня знала здесь каждый уголок и состав любого блюда, отлично ладила с коллегами, хотя их общение никогда не выходило за пределы самой работы. Да и место было отличное — проходное, популярное, так что вне зависимости от того, сколь был сложен и неприветлив мир снаружи, ее кафе (а она давно считала, что имеет право считать его именно своим), было островком стабильности, покоя и сладкой жизни.

— О нет, — раздумываясь, отмахнулась она изящным жестом. — Мне будет гораздо лучше здесь, где я работаю не ногами, а головой.

Девушка сама поразилась смелости, с которой она ответила на вполне невинный комментарий, и даже немного испугалась. Шутка, однако, понравилась всем троим — они зашлись легким смехом, прихлопывая ладонями стойку или колени.

— Смотрю, вы не только красивая, но еще и дерзкая? — Продолжил игру блондин, с интересом оглядывая ее лицо. София улыбалась, но не смела поднять на него глаза, протирая и без того блестящие хрустальные бокалы для кофе. — Это нам тем более нужно.

— Прекрасно понимаю вас, — она продолжала отмахиваться, что было для нее вполне привычно, от любых комплиментов и колкости в свой адрес, что было еще одним умением, которое она приобрела на работе. — Такие кадры везде нарасхват.

Все трое, не утратив интерес к собеседнице, переключились на обсуждение своей дальнейшей бизнес-стратегии — все были немного на взводе, и совсем сбить их с обсуждения не терпящих отлагательств вопросов не смогла бы ни одна официантка мира. Спустя несколько минут все допили свои коктейли. Бежевый расплатился, оставив в полтора раза больше денег, чем должен был, и парни вышли из кафе. Только блондин ненадолго замер перед дверью, как бы что-то забыв, оглянувшись через плечо. В его взгляде чувствовалось лихорадочное движение мысли, которое быстро сменилось тихой решимостью. Он обернулся и резко подошел обратно к стойке, с которой Соня убирала посуду.

— Работу вы не ищите — это мне понятно, — продолжал он шутить на ту же тему. — Но может быть, вы бы хотели разнообразить свое свободное время?

София, еще несколько секунд назад, глядя в спину молодому человеку, поняла, что сегодняшний день не будет похож на иные. Более того, она даже ждала каких-то новых слов от него — шутки, предложения, прощания, чего угодно — потому что почувствовала нечто, чего раньше с ней никогда не происходило. Сейчас она как будто по одним только чертам лица, мельчайшим движениям мускулов и нервных импульсов, едва заметному блеску голубых глаз, видеть которые не дано было никому, кроме нее, заметила, что и он чувствует нечто подобное — невидимую, тончайшую красную нить, образовавшуюся за считанные минуты, которые они провели вблизи друг друга. Парень продолжил, внезапно перейдя на «ты»:

— Я приду в любое время, которое ты назовешь — только разреши встретить тебя сегодня.

— Кафе закрывается в девять вечера, но я немного задержусь. Надо все проверить и запереть двери, — Соня, не ожидая такой смелости ни от собеседника, ни от самой себя, уже подсчитала, что времени оставалось всего ничего. Ее сердце переполнилось нетерпением от такой близкой, но такой далекой встречи. Ей хотелось иметь волшебный пульт, как от телевизора, но от времени, чтобы промотать его, или хотя бы продлить нынешнюю минуту. Она продолжила, мгновенно перенеся легкую интонацию парня. — Ты хоть скажи, как тебя зовут?

— Я Миша.

В ту же секунду открылась дверь, в нее просунулась голова того из друзей, которого, как из разговора поняла девушка, звали Кириллом.

— Ко-о-лос, ты чего тут застрял? У нас весь вечер расписан, — по его озорному взгляду было видно, что он понимал причину задержки друга. А Михаил, только мельком глянув на

вошедшего, снова обернулся к Соне. Та, не совсем поняв суть прозвища, которым к нему обратились, переспросила:

— Колосс?

За время, которое компания провела в кафе, она успела хорошенько рассмотреть молодого человека — на ее взгляд, в нем и в самом деле было что-то древнегреческое и аполлоническое: отливавшие в платину волосы цвета сливочного масла, аккуратными волнами уложенными вдоль косого пробора, мягкие, тонкие черты гадко выбритого лица, точеная фигура с широкими плечами узкой талией танцора, которую выгодно подчеркивала одежда, соответствующая всем последним модным веяниям. Да и если присмотреться, она могла разглядеть даже сияние.

— Как Родосский что ли?

С легкой улыбкой София смотрела на лицо Миши, на долю секунды выразившее полное непонимание сказанного, которое он, однако, быстро поборол:

— Да нет же. Как золотой. Пшеничный то есть. Но вообще-то я — Колосов, — смущенно пожал он плечами.

Осознав свой промах, Соня быстро нашлась с ответом:

— Какой же ты Колос тогда. Ты ведь Колосок! — Она поняла, что разговор непозволительно для нее затягивается. Она так и не закончила дела за барной стойкой, а ее уже ждали другие столики и посетители. Быстро дособрав посуду, она принялась порывистыми движениями протирать поверхность.

— Пусть для тебя и только для тебя будет Колосок, — разрешил новое обращение к себе Миша. — А тебя-то как зовут?

— Меня — София.

— Прекрасное имя под стать тебе самой. До встречи вечером? — Хотя обоим было ясно, что встреча состоится, формально согласие он так и не получил.

— До встречи, — мягко кивнула Соня и быстрым шагом направилась к другим гостям, а Кирилл, наконец, дождался, пока его друг выйдет на улицу.

Сегодняшний день оказался одним из немногих, когда София хотела закончить работу пораньше. И она могла бы это сделать — отпрашивалась она редко, при этом никакой необходимости пояснять, зачем ей это нужно, у нее не было. Она думала о том, как же сгруппировала, не назначив более раннее время встречи: мало того, что погулять долго в целом не получится, так пришлось еще и звонить родителям, чтобы предупредить их, что сегодня она задержится. Повезло еще, что трубку взял отец, который не попросил ни каких-либо разъяснений, ни отчета о том, когда она все же вернется.

Свет вечернего солнца, отблески которых окрашивали почти безоблачное небо в акварельно-полупрозрачные оттенки розового, уже почти скрылся за деревьями. Улица была полна людей — одинокие прохожие, молодые и пожилые пары, медленно двигались во всех направлениях. В этот час никто никуда не торопился.

София, еще заканчивая рабочий день, не отрывала взгляда от окон и дверей кафе в надежде уже сейчас увидеть Михаила. Ей представлялось, как он придет, как будет из-за стекла мягко махать ей, потирая плечо. Он непременно отведет ее в какое-то секретное, но живописное место, где они смогут, наконец, познакомиться, не отвлекаясь на посторонних — две официантки, работавшие с Соней сегодня, весь вечер обсуждали ее новых знакомых, и шутя по поводу грядущей встречи: «Вдруг с будущим женихом?» Не забыли они напомнить ей и о том, какими могут быть опасными такие случайные знакомства. Девушка и сама сто раз смотрела фильмы и читала книги о том, как, бывало, заканчиваются подобные встречи, но в данном случае, была убеждена, что Михаил — вовсе не маньяк. В ее представлении, никакой злодей никогда не стал бы перевозить нижнее белье контрабандой, да и вообще не смог бы вписаться в какую-то компанию друзей, в особенности, ту, которую она видела сегодня. Встретить улы-

бающийся приветливый взгляд Соне не удалось ни из кафе, ни тогда, когда она уже вышла на улицу.

Она стояла, беспокойно оглядываясь по сторонам, всматривалась в самые дальние уголки улицы, не скрытые еще вечерними тенями. Честно прождав мужчину десять минут, она переместилась немного ниже по улице, углубившись во двор дома по соседству с кафе. Выбрав одну из лавочек, с которой тротуар

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.